

И.Г. Матюшина

АЛЬФРЕД ЭТЕЛИНГ И ПОЭМА АНГЛОСАКСОНСКОЙ ХРОНИКИ

Статья посвящена исследованию малоизученной поэмы, включенной в Абингдонскую и Вустерскую рукописи Англосаксонской хроники в качестве записи за 1036 г. Содержание поэмы о гибели Альфреда Этелинга, брата Эдуарда Исповедника, реконструируется на основании более поздних памятников XI–XII вв. Анализ поэмы показывает, что ее ритмическая, звуковая, лексическая, синтаксическая организация восходит не к западногерманской традиции аллитерационного стиха, но к агиографической и гомилетической традиции, засвидетельствованной прозой Вульфстана и Эльфрика. В статье высказывается предположение, что создатель поэмы сочинил ее по образцу более раннего ритмизованного текста о гибели Эдуарда Мученика, включенного в Петерборскую рукопись Англосаксонской хроники за 978 г.

Ключевые слова: Англосаксонская хроника, аллитерационный стих, гомилетическая проза.

Имя Альфреда Этелинга¹, родного брата Эдуарда Исповедника, сына короля Этельреда II, нечасто вспоминается даже исследователями англосаксонской истории. Между тем именно ему, так же как и прославленным королям Этельстану, Эдмунду Великолепному, Эдгару Миротворцу и Эдуарду Исповеднику, посвящена одна из шести поэм Англосаксонской хроники. Очевидно, современники оценивали ту роль, которая ему была отведена в истории, иначе, чем потомки.

Альфред Этелинг был одним из восьми сыновей Этельреда от его второй жены Эммы Нормандской, дочери герцога Нормандии Ричарда I. Альфред, как и его старший брат (будущий король Эдуард Исповедник, 1042–1066 гг.), получил воспитание при дворе

своего дяди, герцога Роберта Нормандского². По свидетельству Англосаксонской хроники, король Этельред послал обоих этелингов в Нормандию в 1013 г., когда датский правитель Свейн Вилобородый со своим сыном Кнутом вторгся в Англию и «весь народ принял его как своего полноправного короля»³. Королева Эмма Нормандская, мать Альфреда и Эдуарда, очевидно, бежала в Нормандию отдельно от сыновей⁴, а король Этельред воссоединился со своей семьей некоторое время спустя.

Свейн умер в феврале 1014 г., и «все советники... решили послать за королем Этельредом и объявили, что ни один правитель для них не дороже, чем их настоящий господин, если он будет править ими более справедливо, чем прежде... Той весной король Этельред вернулся домой к своим людям и был ими радостно встречен»⁵. Вместе с королем возвратились в Англию и его сыновья Эдуард и Альфред. Став королем во второй раз, Этельред сохранил престол до своей кончины в апреле 1016 г.

После смерти Этельреда королем Уэссекса и южной части Англии стал его сын от первого брака Эдмунд Железнобокий (апрель – ноябрь 1016 г.), а правителем Мерсии и северных областей был провозглашен король Дании и Норвегии Кнут Могучий, который два года спустя получил власть над всей страной. Взойдя на английский престол, Кнут вступил в брак со вдовой Этельреда Эммой Нормандской и благодаря этому браку заключил союз и с нормандской, и с уэссекской династией. Основной источник сведений об этом периоде англосаксонской истории «Энкомий королеве Эмме» (*Encomium Emmae Reginae*, 1041–1042 гг.), вероятно, созданный в аббатстве Св. Бергена⁶ (Фландрия) по заказу Эммы, сообщает, что после брака с Кнутом и рождения их общего сына Хардакнута «родители, которые были счастливы благодаря глубокой и необычайной любви к этому ребенку, отослали других законных сыновей на воспитание в Нормандию (*alios uero liberales filios educandos direxerunt Normanniae*)»⁷, подразумевая Альфреда и Эдуарда, но умалчивая о том, что их отцом был Этельред.

Отправив этелингов в Нормандию, Кнут постарался избавиться и от других сыновей и потомков Этельреда, представлявших угрозу если не ему самому, то его сыновьям на пути к английскому престолу. По приказу Кнута Эдвиг, младший сын Этельреда от его первой жены (брат Эдмунда Железнобокого), был изгнан из Англии, а затем погиб, когда попытался тайно возвратиться на родину; внуки Этельреда (сыновья Эдмунда Железнобокого) были высланы в Швецию, где должны были быть убиты. О том, как Кнут расправился с отпрысками Этельреда, упоминает в «Драпе о Кну-

те» (Knútsdrápa, ок. 1038 г.) и исландский скальд Сигват Тордарсон, живший при дворе короля Кнута: «И скоро Кнут убил или выгнал вон всех и каждого из сынов Адальрада (*Этельреда*)» (Ok senn sonu / sló, hvern ok þó, / Aðalráðs, eða / út flæmði, Knútr, В I, 232, 2).

Кнут, несомненно, прочил в наследники одного из своих сыновей, и Эмма, как говорится в Энкомии, поставила Кнуту условие, что английский престол получит их сын, рожденный в новом браке. Однако когда Хардакнуту исполнилось восемь лет, Кнут увез его из Англии в Данию, предполагая, что тот станет в будущем датским королем.

Вопрос о престолонаследии в Англии осложнялся еще и тем, что до брака с Эммой женой Кнута была Эльфгифу, у которой было двое сыновей: старший – Свейн и младший – Харольд Заячья Лапа (будущий король Англии 1035–1040 гг.). Своего старшего сына Свейна Кнут назначил правителем Норвегии, дав ему в помощь его мать Эльфгифу. Однако Свейн и Эльфгифу вызвали такое недовольство норвежцев непомерными налогами и предпочтением датской знати, что в 1033 г. им пришлось покинуть Трондхейм и скрыться в южной части страны. Два года спустя они были изгнаны, Свейн нашел приют у Хардакнута и год спустя умер, Эльфгифу вернулась в Англию, а королем Норвегии стал Магнус, сын Олава Святого.

Когда Кнут в ноябре 1035 г. скончался в возрасте 40 лет, на английский престол оказалось несколько претендентов. Сын Кнута и Эммы Хардакнут, который должен был по праву наследовать и датский, и английский престол⁸, стал королем Дании и потому был вынужден оставаться там, обороняя страну от норвежского короля Магнуса. Харольд Заячья Лапа, единственный из всех претендентов находившийся в Англии, считал себя главным наследником престола, так как его старший брат Свейн уже получил Норвегию, а его сводный брат Хардакнут, сын Кнута и Эммы, – Данию. В поддержку Харольда выступил эрл Мерсии Леофрик, однако эрл Годвине, могущественный правитель Уэссекса (993–1053 гг.), был на стороне Хардакнута. О противостоянии властей предрержащих после смерти Кнута свидетельствует Петерборская рукопись Хроники: «в Оксфорде состоялась собрание всех советников, и эрл Леофрик, и почти все правители к северу от Темзы, и морские мужи из Лондона (þa liðsmen on Lunden) избрали Харольда покровителем всей Англии, чтобы он правил как за себя самого, так и за своего брата Хардакнута, который находился в Дании. Но эрл Годвине и все старейшины в Уэссексе противодействовали этому сколько могли, однако ничего не сумели против того сделать»⁹.

Противники Харольда выражали сомнение в его королевском происхождении и, следовательно, в его правах на королевский престол. Эти сомнения нашли отражение в нескольких рукописях Англосаксонской хроники: «И Харольд сказал, что он был сыном Кнута и другой Эльфгифу из Нортамптона, хотя это и не было правдой» (Абингдонская, Вустерская рукописи)¹⁰, «некоторые говорили о Харольде, что он был сыном короля Кнута и Эльфгифу, дочери олдермена Эльфхельма, но многим людям это казалось весьма неправдоподобным» (Петерборская рукопись)¹¹. Английский монах и историк Иоанн Вустерский (ум. ок. 1140 г.), автор Всемирной истории (*Chronicon ex Chronicis*), считает, что Эльфгифу не могла иметь детей и потому прибегла к обману, усыновив одного младенца (Харольда) из семьи сапожника, а другого (Свейна) – из семьи священника¹². Нельзя исключать, что слухи о незаконном происхождении Харольда возникли благодаря единомышленникам Эммы Нормандской, которая видела соперницу в Эльфгифу и угрозу – в ее сыновьях. Несмотря на противодействие Эммы и ее сторонников, в частности могущественного эрла Годвине, Харольду все же удалось захватить власть: Петерборская рукопись называет его «правителем, регентом» (*heald* – «покровитель»), Абингдонская – «королем» (*cing*)¹³.

Большинство англосаксонской знати было настроено против сыновей Кнута и хотело возвращения на престол уэссекского наследника, поэтому вполне возможно, что Эмма послала письмо своим старшим сыновьям от брака с Этельредом, Альфреду и Эдуарду, которые находились в Нормандии, и попросила их приехать в Англию. Она могла обратиться к ним за помощью, так как Харольд начал притеснять ее, как только получил власть: «он послал к ней (*людей*) и повелел отобрать у нее все ее лучшие сокровища, которыми владел король Кнут» (Абингдонская и Вустерская рукописи Хроники)¹⁴. В «Энкомии королеве Эмме» утверждается, что Эмма не посылала приглашения (и следовательно, не могла нести ответственности за трагическую судьбу, постигшую Альфреда), а его подделал Харольд с целью заманить обоих сыновей Эммы и Этельреда в ловушку¹⁵. Харольд, как подразумевается в Энкомии, понимал, насколько необоснованны его притязания на королевский престол, и стремился как можно скорее избавиться от всех возможных соперников (т. е. поступил точно так же, как в свое время его отец Кнут).

Младший брат Эдуарда Альфред Этелинг в сопровождении нормандского отряда сел на корабль в Виссанте, деревушке, находившейся в 23 км от Булони, высадился в Дувре и попытался до-

браться до Лондона. Не исключено, что Альфред направлялся не в Лондон, но в Уинчестер, желая навестить свою мать Эмму, как утверждается в Абингдонской и Вустерской рукописях Англосаксонской хроники. Однако, очевидно, возвращение в Англию представителя уэссекской династии, властвовавшей страной несколько веков, было воспринято как вызов датскому правлению (в нормандских источниках даже идет речь о том, что целью Альфреда было «вступление во владение королевской вотчиной»¹⁶ и захват английского престола¹⁷). Руководствуясь приказом сына Кнута Харольда Заячья Лапа, уэссекский эрл Годвине перехватил Альфреда и расправился с его сторонниками. Альфред был передан в руки Харольда, повелевшего отвезти пленника в Эли и ослепить, после чего он умер от ран или был убит.

Ответственность за убийство «безвинного отрока» (*se unsceddiga æpeling*, Абингдонская рукопись Хроники) неравно распределяется источниками: одни обвиняют в злодеянии Годвине¹⁸, другие – Харольда, подчеркивая, что Годвине лишь действовал по его приказу¹⁹.

Харольд изображается ответственным за убийство Альфреда в «Энкомии королеве Эмме», в котором рассказывается о том, как в его уме рождается преступный замысел убить принцев, подделав письмо их матери, королевы Эммы²⁰. Посланное от имени Эммы письмо, полностью процитированное в Энкомии, содержит жалобы на притеснения Харольда, пытающегося подкупам и угрозами заручиться поддержкой знати, и приглашение Эдуарду и Альфреду приехать в Уинчестер, чтобы обсудить планы на будущее²¹. Не подозревая об обмане, сыновья Эммы отнесли к письму с должным почтением²² и послали ответ, указав предполагаемое место и время прибытия²³. Предатели-гонцы передали этот ответ сторонникам Харольда: «Гонцы возвратились и рассказали недругам Господа (*Dei inimicis*), какой ответ был им дан благороднейшими юношами», и те подготовили нападение²⁴.

В назначенный день Альфред избрал соратников с одобрения старшего брата²⁵ и отправился во Фландрию. Там он провел некоторое время с графом Балдуином, который посоветовал ему взять с собой часть его войска, чтобы иметь возможность противостоять врагам. Альфред, однако, отказался воспользоваться этим предложением и, прихватив с собой «всего несколько человек из Булони, сел на корабль»²⁶. Он пересек пролив и приблизился к берегам Англии, однако его узнали враги, которые вознамерились на него напасть. Поняв это, Альфред приказал оттолкнуть корабли подальше от берега, а затем высадился в другом порту и попытался добраться

до своей матери, надеясь, что благополучно избежал засады. Когда Альфред почти достиг цели, его перехватил эрл Годвине, который обещал ему свою защиту и принес клятву верности. Уведя Альфреда в сторону от Лондона, Годвине завлек его в город, называемый Гилфордом, а затем расселил сподвижников Альфреда в отдельные палатки по двадцать, двенадцать и десять воинов, оставив с ним на ночь всего несколько человек. Годвине дал им всем еду и питье и удалился от них в свое жилище, распрощавшись с ними до утра, когда должен был вернуться и «с подобающими почестями служить своему господину» (*ut domino suo seruiret cum debita honorificentia*)²⁷.

Когда спутники Альфреда насытились и напились и, усталые, заснули на своих местах, появились «приспешники ненавистного тирана Харольда» (*complices Haraldī infandissimi tyranni*)²⁸, ворвались в жилища, обезоружили спящих, надели на них оковы и держали под стражей до утра. Наутро невинных людей вывели из жилищ и осудили, даже не выслушав. Так как все они были безоружны, а руки у них были скованы за спиной, они были преданы самым злобным палачам, которым было приказано не щадить никого, кроме каждого десятого. Палачи заставили скованных людей сесть в ряд и, понося их сверх всякой меры, последовали примеру убийцы Фивайдского легиона (*Legio Thebae*)²⁹, который казнил каждого десятого, хотя и делал это более милосердно, чем они. «Одних, как говорили, они убили, других обратили в собственных рабов, третьих продали, ибо были одержимы слепой жадностью, а некоторых они оставили в оковах, дабы подвергнуть их еще большим издевательствам»³⁰. Достоверность повествованию о страданиях невинных жертв сообщает заключение о том, что сам создатель Энкомия оказался свидетелем того, как многие спутники этелинга были избавлены от мучений благодаря помощи свыше.

Рассказ о судьбе людей Альфреда сменяется в Энкомии подробным описанием гибели самого принца, которое составляет наиболее эмоциональную часть всего повествования. Гнев, боль и ужас настолько захлестывают создателя Энкомия, что он прерывает свой трагический рассказ риторическими восклицаниями и вопросами³¹: «Отпрыск королей был тайно захвачен в своем жилище и подвергся издевательствам самых злобных воинов, прежде чем был отвезен на остров, называемый Эли. Затем были избраны еще более презренные злодеи, и оплакиваемый юноша был отдан им, безумным. Назначенные судьями, эти люди постановили, что оба его глаза должны быть выколоты ради поругания. Приготовившись совершить это, они поместили двух человек на его руках, чтобы те

держали его, одного – на его груди, и еще одного – на его ногах, чтобы им было проще подвергнуть его наказанию. Для чего я медлю, рассказывая об этом горе? Когда я пишу, мое перо дрожит, и сам я объят ужасом, думая о том, что выстрадал благой юноша. Поэтому я поскорее перейду от рассказа об этом великом несчастье к заключению о его мученичестве. Так его крепко держали, а потом зверски убили, после того, как выкололи его глаза. Совершив это убийство, они оставили его безжизненное тело, которое взяли слуги Господа, монахи острова Эли, и с честью его погребли»³².

«Энкомий королеве Эмме» описывает смерть Альфреда как мученическую и рассказывает о том, как начинает складываться его культ: «Однако много чудес происходит там, где находится его гробница, как сообщают люди, которые часто говорят, что их видели. И это воистину так: ибо он был замучен без всякой вины, и потому, как подобает, сила невинности должна быть явлена через него. Поэтому пусть радуется королева Эмма, имея столь великого заступника, ибо прежде у нее был сын на земле, а теперь покровитель на небесах»³³.

Можно заметить, что в Энкомии роль Годвине изображается как пассивная: он лишь перехватывает Альфреда и его спутников, оставляя инициативу за Харольдом. Годвине прямо не называется здесь пособником Харольда, мотивы его поступков не раскрываются, хотя очевидно, что Годвине не только заманил Альфреда в ловушку, но и принимал непосредственное участие в уничтожении его отряда. Создатель Энкомия проявляет большую осторожность, всякий раз упоминая, что злодеяния совершались не людьми Годвине, но приспешниками Харольда. Уклончивость автора Энкомия, скорее всего, объясняется временем создания этого памятника: в 1041 г. Годвине удалось оправдаться перед сменившим Харольда королем Хардакнудом и вновь сосредоточить в своих руках огромную власть. Годвине, очевидно, стремился угодить всякому, кто занимал английский престол или становился наиболее вероятным претендентом на него. Так, в свое время он постарался сделаться незаменимым не только для Харольда Заячья Лапа и Хардакнута, но и для Эдуарда, брата Альфреда, когда тот стал королем.

На невинности Годвине настаивает и создатель «Жития Эдуарда, почившего в Вестминстере» (рукопись ок. 1100 г., очевидно, из монастыря Св. Бертена), кратко излагающий историю гибели Альфреда: «У короля Эдуарда был брат по имени Альфред. Когда умер их отчим, король Кнут, один из сыновей Кнута, Харольд, *как говорят*, незаконнорожденный, муж высокомерный и с дурным характером, унаследовал престол при поддержке данов, которые

были в то время очень сильны и могущественны в королевстве. Тогда Альфред, не посоветовавшись (*inconsultius*), прибыл в Англию с малым числом вооруженных франков. Так как Альфред действовал неосторожно (*incautius*), пытаясь вступить во владение королевской вотчиной (*patrium regnum*), то был, по приказу короля Харольда, *как говорят*, несправедливо (*repreham*) задержан и замучен до смерти, а его сторонники, *как говорят*, были обманом обезоружены и затем некоторые были убиты, а остальные проданы победителями в рабство. И архиепископ Роберт подтвердил королю Эдуарду, как мы только что сказали, что преступление, связанное с убийством его брата и умерщвлением его спутников, было совершено по совету великолепного эрла (*Годвине*)»³⁴.

Нельзя не увидеть, что составитель жития готов обвинить в злодейском убийстве Альфреда и его спутников кого угодно, не исключая и самого этелинга, который действовал, как сказано в житии, «не посоветовавшись» и «неосторожно», только не Годвине. Трудно поверить, что Альфред действительно мог «пытаться вступить во владение вотчиной», если прибыл в Англию «с малым числом вооруженных франков». Составитель жития как будто пытается снять с себя ответственность, ссылаясь на чужой авторитет и постоянно добавляя «как говорят», когда рассказывает о том, что Альфред был схвачен по приказу Харольда, которого изображает в самом непривлекательном свете. В «Житии Эдуарда» Годвине называется «великолепным эрлом» (*gloriosus dux*), оклеветанным несправедливо, а вина за навет возлагается на непримиримого врага Годвине, архиепископа Роберта (в 1037 г. аббата и настоятеля монастыря в Жюмьеже), снискавшего особое доверие у Эдуарда, когда тот находился в изгнании в Нормандии³⁵.

В отличие от «Жития Эдуарда» в «Деяниях нормандских правителей» Вильгельма, монаха из монастыря Жюмьеж (ок. 1055–1070 гг.), утверждается, что Альфреда «предательски убил» Годвине, однако, как и в «Энкомии королеве Эмме», ответственным за его убийство здесь изображается Харольд Заячья Лапа. Годвине описывается в «Деяниях» Вильгельма Жюмьежского предателем, презревшим клятву верности и отдавшим Альфреда и его спутников в руки Харольда. Вильгельм говорит, что Альфред «с немалыми военными силами прибыл в Дувр из Виссанта»³⁶, однако был перехвачен Годвине: «Он проник в самое сердце королевства и повстречался с эрлом Годвине, который сначала приветствовал его как друга, но в ту же ночь обратился в предателя, как Иуда. Ибо хотя Годвине дал ему поцелуй мира и вкусил с ним еду, посреди ночи он приказал связать ему за спиной руки и послал его с не-

сколькими сторонниками к королю Харольду в Лондон. Другие его воины были рассеяны или пали постыдной смертью. Увидев Альфреда, Харольд приказал обезглавить его сторонников, а самого Альфреда отвезти в Эли и ослепить. Так самый благородный и добрый Альфред был несправедливо погублен. Вскоре после этого, однако, умер и Харольд»³⁷.

Убийство Альфреда рассматривается Вильгельмом как преступление против члена нормандской королевской семьи, который в течение 20 лет находился под покровительством нормандской династии: «Этельред возвратился в свою страну, оставив своих двух сыновей Эдуарда и Альфреда на воспитание их дяде Ричарду. Воспитываясь при дворе герцогов нормандских, они были окружены герцогом Робертом большим почетом. Привязанный к ним великой любовью, он после смерти своего отца Ричарда принял их как братьев. Он отправил гонцов к королю Кнуту с просьбой, чтобы тот был милостив к ним, так как их изгнание было достаточно длительным, и из любви к нему возвратил им, пусть и поздно, то, что им принадлежало. Король Кнут отверг эти мудрые предложения и отослал гонцов обратно с пустыми руками»³⁸.

Если Кнута и нормандского правителя Ричарда II, брата Эммы, связывали узы дружбы, то отношения между Кнутом и сыном Ричарда Робертом были близки к открытой вражде³⁹, возможно, потому что Роберт считал себя защитником несправедливо изгнанных этелингов и видел в возвышении Кнута угрозу Нормандии. Согласно «Деяниям нормандских правителей» Вильгельма Жюмьежского, Роберт даже готовил поход от имени Эдуарда и Альфреда и направлялся в Англию, но ему помешала буря⁴⁰.

Брат Альфреда Эдуард, который при жизни Кнута не мог надеяться на возвращение в Англию, по свидетельству нормандских источников, тоже сделал попытку высадиться в Саутгемптоне. В «Деяниях нормандских правителей» Вильгельма Жюмьежского рассказывается о том, как Эдуард был вынужден вернуться в Нормандию, так как «встретил огромное множество англов, готовых с ним сразиться»⁴¹. Вильгельм Жюмьежский видит в неудаче Эдуарда Божий промысел: «Это произошло, я думаю, по воле Господа, ради короля Эдуарда, которому Он назначил править без кровопролития»⁴². Однако Иоанн Вустерский считает, что Эдуарду все-таки удалось соединиться со своей матерью Эммой, которая попросила его возвратиться в Нормандию, как только узнала о гибели своего младшего сына Альфреда⁴³.

В отличие от нормандских источников XI в. («Энкомия королевы Эмме», «Жития Эдуарда» и «Деяний нормандских правителей»

Вильгельма Жюмьежского) Абингдонская рукопись Англосаксонской хроники за 1036 г., содержащая рассказ о страшной гибели Альфреда, описывает виновником злодеяния не столько Харольда, сколько Годвине, и не упоминает о походе Эдуарда. Версия Абингдонской хроники, очевидно, была положена в основу англо-нормандских памятников XII в. («Деяний английских королей» Уильяма Малмсберийского, «Истории англо» Генриха Хантингдонского, «Истории англо» Жеффрея Гаймара), изображающих эрла Годвине главным злодеем. Стремление обелить короля Харольда Заячья Лапа и обвинить Годвине доходит в них до того, что убийство Альфреда относится здесь ко времени после смерти Харольда.

Во всех источниках утверждается, что Годвине перехватил Альфреда со спутниками около Гилфорда, почти все люди Альфреда были уничтожены, и лишь каждый десятый избежал казни. Это свидетельство подтверждается археологическими данными. В 20-х годах XX в. к западу от Гилфорда было обнаружено массовое захоронение воинов, которые были сначала связаны, а затем казнены. Так как погребение датировано примерно 1040 г., то предполагается, что около Гилфорда были захоронены именно сопровождавшие Альфреда соратники.

Гибель Альфреда повлекла унижение его матери, которая, как говорит запись за 1037 г. в Абингдонской рукописи, «была безо всякого милосердия (*butan ælcere mildheortnesse*) изгнана навстречу бушующей зиме»⁴⁴. Эмма отправилась во Фландрию (в Брюгге), где ее «хорошо принял и содержал столько, сколько ей было нужно»⁴⁵ тамошний правитель граф Балдуин, дочери которого Матильде было суждено стать женой Вильгельма Завоевателя. В Брюгге к ней приплыл со своим флотом и Хардакнут, единокровный брат Альфреда и Эдуарда (младший сын Эммы и Кнута Могучего), так как Хроника говорит, что именно во Фландрию за ним были посланы гонцы, когда в 1040 г. умер Харольд Заячья Лапа⁴⁶.

Хардакнут занял английский престол в том же году, но правил совсем недолго (1040–1042). Став королем, Хардакнут повелел выкопать тело своего брата по отцу, Харольда Заячья Лапа, из могилы в Вестминстере и бросить его в болота Темзы⁴⁷. Согласно Иоанну Вустерскому, Хардакнут «горел великим гневом» на эрла Годвине и епископа Вустерского Люфинга, на которых Эльфрик, епископ Йоркский, возложил ответственность за убийство Альфреда. Люфинг был временно удален от епископской кафедры, а Годвине был вынужден принести в дар Хардакнуту корабль с 80 вооруженными воинами, а также публично дать клятву, что не желал ослепления Альфреда, но «его господин король Харольд приказал ему сделать

то, что он сделал»⁴⁸. Годвине, таким образом, не отрицал соучастия в злодеянии, но утверждал, что руководствовался приказаниями своего короля, который был принужден выступить против Альфреда и Эдуарда, прибывших в Англию с вооруженными воинами.

Похоже, что уже в первый год правления Хардакнута подданные пожалели о том, что позволили ему занять престол. Он прибыл в Англию с 60 кораблями и немедленно обложил жителей большим налогом, который люди «выносили с великим трудом»⁴⁹. Хардакнут, согласно Иоанну Вустерскому, «посылал своих наместников (*huscarlas*) по всем местностям королевства с требованием дани»⁵⁰. В Абингдонской рукописи рассказывается, что в 1041 г. Хардакнут разорил Вустер за то, что его жители убили двух сборщиков дани. В той же рукописи Хроники говорится, что «за все время своего правления он не сделал ничего, подобающего королю»⁵¹, а когда его брат Эдуард, старший сын Эммы от Этельреда, «который был давно изгнан из страны», прибыл в Англию из Нормандии летом того же года, «ему присягали как королю»⁵².

Памятуя трагическую гибель своего брата Альфреда, Эдуард несомненно не решил бы приехать в Англию без приглашения Хардакнута: в «Энкомии королеве Эмме» сказано, что Хардакнут, «охваченный братской любовью», пригласил Эдуарда принять участие в правлении страной⁵³; в «Деяниях» Вильгельма из Пуатье (ок. 1071–1077 гг.), прославляющих Вильгельма Завоевателя, говорится, что Хардакнут, сын Эммы Нормандской, «помог получить престол своему сводному брату Эдуарду, другому сыну Эммы»⁵⁴. Желание подчеркнуть нормандское влияние на английское престолонаследие побуждает Вильгельма из Пуатье решиться и на более смелое заявление о том, что Эдуард стал королем Англии благодаря поддержке нормандского герцога Вильгельма, которому в 1066 г. было суждено получить знаменательное прозвище Завоеватель⁵⁵.

После смерти Хардакнута в июне 1042 г., описанной в Абингдонской и Вустерской рукописях Хроники в весьма мрачных тонах, «все люди приняли Эдуарда как короля, как ему подобало по рождению» (формула «*swa him gesunde wæs*» – «как ему подобало по рождению», употребленная в Абингдонской и Вустерской рукописях, говорит о приверженности их составителей к уэссекской династии). В Петерборской хронике добавлено, что все люди Лондона выбрали Эдуарда в качестве преемника Хардакнута еще до похорон почившего короля⁵⁶.

Рестаурация уэссекской династии совершилась в апреле 1043 г. почетной коронацией Эдуарда в Уинчестере⁵⁷, и в первые годы его правления могущество эрла Годвине, казалось, прибывало. Став

королем, Эдуард отдал власть над Херефордом старшему сыну Годвине Свейну, а два года спустя, как сказано в записи за 1045 г. Абингдонской рукописи, «за десять дней до Сретения король Эдуард взял в жены Эадгюд (*Эдит*), дочь эрла Годвине»⁵⁸. В том же году Эдуард сделал правителем Восточной Англии Харольда, второго сына Годвине⁵⁹.

Тем не менее даже в начале своего правления Эдуард едва ли поддерживал Годвине по своей воле. Убийство Альфреда навсегда лишило Годвине и его сыновей королевского доверия, и Эдуард не раз старался освободиться от своего самого могущественного подданного. Лишь в 1051 г. ему наконец удалось лишить эрла Годвине власти, хотя и ненадолго. Годвине с семьей бежал во Фландрию, два его сына Харольд и Леофвину – в Ирландию, а Эдит была отправлена в монастырь⁶⁰.

Освободившись от клана Годвине, Эдуард в это время мог обратиться к Нормандии в поисках преемника и высказать предпочтение своему сородичу Вильгельму. Отсутствие потомков в браке Эдуарда, которое принято объяснять его стремлением к целибату, возможно, связано с происхождением Эдит из ненавистного Эдуарду рода. За кончиной короля, не имевшего прямых наследников, последовал династический кризис, позволивший Вильгельму Нормандскому заявить свои права на английский престол.

Годвине с сыновьями вернулись в Англию уже в следующем 1052 г., и Эдуарду пришлось оставить свои попытки избавиться от них, так как его не поддержала англосаксонская знать. Годвине были возвращены все его земли и владения, и он стал сильнее, чем прежде. Один из поздних источников («Анналы Винтонского монастыря», ок. 1200 г.), изображающий Годвине злодеем, покушавшимся погубить обоих братьев, т. е. не только Альфреда, но и Эдуарда, стремится пролить свет на причины, побудившие Годвине совершить преступление. Зверски умертвив Альфреда (в Винтонских Анналах дается еще более страшное описание его казни: его водят вокруг дерева, к которому прибиты его внутренности), Годвине устранил препятствие для возведения на трон своего сына Харольда⁶¹. О намерении Годвине погубить Эдуарда упоминается и в «Житии Эдуарда Исповедника»⁶², однако, как известно, всеильному эрлу не удалось избавиться от короля, и его сыну Харольду пришлось долго дожидаться власти. При жизни Годвине (он умер в 1053 г.) его сын Харольд получил власть над Восточной Англией (1045 г.), стал правителем Уэссекса и главой рода. Однако только в 1066 г. ему суждено было стать последним англосаксонским королем всей страны, которой он правил меньше 10 месяцев.

Поэма о смерти Альфреда

Гибель Альфреда по-разному отражена в рукописях Англосаксонской хроники: в древнейшей рукописи, Паркерской (или Уинчестерской CCC MS 173), и в самой поздней, Петерборской (MS Laud 636), о ней не упоминается ни одним словом⁶³. Напротив, в Абингдонской (MS Cotton Tiberius B.i) и Вустерской рукописях (MS. Cotton Tiberius B.iv) трагической судьбе этелинга посвящена не только прозаическая, но и поэтическая запись.

Прозаический текст, предшествующий поэме, сочинен аллитерированной и ритмизованной прозой и незначительно различается в Абингдонской и в Вустерской рукописях. В Абингдонской рукописи этот текст включает имя Годвине: *Her com Ælfred, se unscēddiga æþeling, Æþelrædes sunu cinges, hider inn and wolde to his meder, þe on Wincestre sæt, ac hit him ne gefafode Godwine eorl, ne ec oþre men þe mycel mihton wealdan, forðan hit hleoðrode þa swiðe toward Haraldes, þeh hit unriht wære*⁶⁴ – «Тогда Альфред, безвинный этелинг, сын короля Этельреда, прибыл сюда⁶⁵ и хотел навестить свою мать, которая жила в Уинчестере, но ему не позволили этого ни эрл Годвине, ни другие люди, которые имели большую власть, так как голоса явно склонялись в пользу Харольда, хотя это и было несправедливо». В Вустерской рукописи имя Годвине опущено как в прозаическом тексте⁶⁶, так и в следующей за ним поэме, возможно, потому что ее создатель возлагал вину не столько на эрла, сколько на его повелителя Харольда (см. ниже).

В обеих рукописях Альфред называется «безвинным этелингом» (*se unscēddiga æþeling*). Употребленное в этом словосочетании слово *æþeling* – «принц, знатный человек» встречается и в героической, и в духовной поэзии (ср. *wuldres æþeling* – «Царь славы» в поэме «Христос» 158a), однако слово *unscēddig* – «безвинный» используется преимущественно в контексте духовных памятников (мы находим его, например, в списке пожертвований короля Этельреда в описании мощей его сводного брата Эдуарда Мученика: *Of sanctus Eadwardes reliquion þæs suninges, þe wæs unscēddig acweald* – «Мощи святого Эдуарда, того короля, который был безвинно убит»)⁶⁷. Применяя слово, наделенное агиографическими ассоциациями, и называя Альфреда «безвинным этелингом», создатели обеих рукописей Хроники не таят своего сочувствия сыну Этельреда и открыто обвиняют его убийц.

Глубокий звуковой повтор, связывающий слово *æþeling* с именем короля Этельреда, отца этелинга (*se unscēddiga æþeling, Æþelrædes sunu cinges* – «безвинный этелинг, сын короля Этельреда»), акцентирует генеалогию Альфреда. Напротив, вызывающая сомнения генеалогия Харольда в прозаическом тексте не приво-

дится. Более того, создатели обеих рукописей Хроники не сомневаются в том, что Харольд не имел права на престол, и прямо утверждают, что его избрание было несправедливым (*unriht wære*).

За приведенным прозаическим фрагментом в Абингдонской и Вустерской рукописях следует поэтический текст, который, как предполагается, мог быть сочинен между 1036 г., когда был убит Альфред, и 1044 г., когда изменился почерк писца⁶⁸. В поэме, включенной в Вустерскую рукопись, имя Годвине не называется, вместо этого используется местоимение «он» (*he*): *þa let he / hine on hæft settan* – «тогда он повелел поместить его в плен». Со времен первых издателей Хроники считается, что текст поэмы в Вустерской рукописи более поздний, чем в Абингдонской (в которой первая строка включает имя Годвине: *Ac Godwine hine þa gelette / and hine on hæft sette* – «Но тогда Годвине его остановил»). Пропуск имени Годвине и употребление местоимения в Вустерской рукописи (*þa let he / hine on hæft settan*) нарушает ритм и смысл строки, лишая ее той внутренней рифмы, которой она наделена в Абингдонской хронике (*gelette : sette*)⁶⁹. Не вполне понятно, к кому относится местоимение «он» в Вустерской рукописи. Так как в прозаическом тексте, предшествующем поэме, упоминалось имя Харольда (*fordan hit hleodrode þa swiðe toward Haraldes, þeh hit unriht wære* – «голоса склонялись явно в пользу Харольда, хотя это и было несправедливо»), то можно предположить, что местоимение относится к нему. Тогда нужно заключить, что вина за все страшные злодеяния, о которых идет речь в поэме, возлагается в Вустерской рукописи именно на Харольда.

Абингдонская рукопись, таким образом, оказывается единственной, где виновником злодеяния называется Годвине. В поэтическом тексте, включенном в эту рукопись, утверждается, что Годвине не только взял в плен Альфреда (*and hine on hæft sette*) и рассеял его соратников (*and his geferan he todraf*), вероятно, для того, чтобы людям Харольда было легче с ним справиться, но и сам убил спутников этелинга «разными способами» (*and sume mislice ofsloh*). Хотя Абингдонская рукопись изображает Годвине сторонником Харольда, в Петерборской летописи утверждается, что Годвине не поддерживал избрания Харольда на престол, отдавая предпочтение Хардакнуту (см. выше). Очевидно, Годвине изменил свои политические взгляды под давлением обстоятельств, узнав, что поддерживаемый им Хардакнут остается в Дании. Не исключено также, что устранение Альфреда как возможного преемника престола было в интересах не только Харольда, но и самого Годвине, стремившегося не допустить возвращения узсекской династии и, вероятно, надеявшегося обеспечить трон для одного из своих сыновей. Существенно, однако, что в Петерборской

летописи поэма о смерти Альфреда, главное свидетельство против Годвине, отсутствует, что говорит о политической приверженности ее составителей, вероятно, поддерживавших клан могущественного эрла и проявивших свое сочувствие в рассказе о его изгнании в 1051 г.⁷⁰

В Абингдонской рукописи поэма о гибели Альфреда датирована 1036 г., а восшествие Харольда на престол – следующим 1037 г. Таким образом, злодеяние эрла не могло быть оправдано поддержкой короля, так как Годвине назван здесь убийцей до того, как Харольд получил английский престол. В Вустерской рукописи, напротив, утверждается, что в 1035 г. «король Кнут почил, и его сын Харольд унаследовал королевство» (*Her forðferde Cnut cyng, and Harold his sunu feng to rice*). Следовательно, право карать и миловать, согласно тексту Вустерской рукописи, принадлежало Харольду, когда он сам совершил злодеяние или приказал сделать это Годвине.

Приведенный ниже текст цитируется по Абингдонской рукописи как наиболее ранний:

Ac Godwine hine þa <i>gelette</i> and hine on <i>hæft sette</i> , and his geferan he todraf, and <i>sume</i> mislice ofslöh; <i>sume</i> hi man wið feo <i>sealde</i> , <i>sume</i> hreowlice <i>acwealde</i> , sume hi man <i>bende</i> , sume hi man <i>blende</i> , sume <i>hamelode</i> sume <i>hættode</i> . Ne wearð dreorlicre <i>dæd</i> gedon on þison earde, syþþan <i>Dene comon</i> and her frið <i>namon</i> . Nu is to <i>gelyfenne</i> to ðan <i>leofan gode</i> , þæt hi <i>blission</i> <i>bliðe</i> mid Criste þe wæron butan <i>scylde</i> swa earmlice <i>acwealde</i> . Se <i>æpeling</i> lyfode þa gyt; <i>ælc</i> yfel man him gehet, oðþæt <i>man gerædde</i> þæt <i>man</i> hine <i>lædde</i> to Elig <i>byrig</i> swa gebundenne. <i>Sona</i> swa he <i>lende</i> , on <i>scype</i> man hine <i>blende</i> , and hine swa <i>blindne</i> <i>brohte</i> to ðam munecon, and he þar <i>wunode</i> ða hwile þe he <i>lyfode</i> . Syððan hine man <i>byrigde</i> , swa him wel <i>gebyrede</i> , ful <i>wurðlice</i> , swa he <i>wyrðe wæs</i> , æt þam <i>westende</i> , þam <i>stypel ful gehende</i> , on þam <i>sudportice</i> ; seo <i>saul</i> is mid Criste.	Но тогда Годвине его остановил, и взял его в плен, и его соратников рассеял, и некоторых разными способами умертвил; некоторые были проданы за деньги, некоторые жестоко убиты; некоторые были закованы, некоторые ослеплены; некоторые были искалечены, с некоторых сняты скальпы. Более кровавого деяния не было совершено на этой земле, с тех пор как пришли даны и мир здесь заключили. Ныне должно верить в Возлюбленного Господа, что те, кто без вины, были так жестоко убиты, ликуют радостно со Христом. Этелинг был еще жив, всяческим злом ему грозили, пока не было решено, что его отвезут так связанного в город Эли. Только он пристал (<i>к берегу</i>), как на корабле его ослепили, и так ослепленного доставили к монахам. И там он пребывал то время, что был жив. Потом его похоронили, как ему подобало, с полным почетом, как он был достоин, на западной стороне, совсем близко от башни, в южном боковом приделе; его душа пребывает со Христом.
---	--

В основе композиции поэмы лежит антитеза: рассказ о мучениях, которым были подвергнуты спутники Альфреда Этелинга (1-5) и которые называются самыми страшными из всего, что было когда-либо содеяно на Британских островах (6-7), завершается словами о небесном блаженстве невинно убиенных (8-10). Во второй части создатель повествует об участии самого этелинга (11-16), следуя той же антитетической схеме: сначала говорит об увечьях, нанесенных телу, и о месте погребения (18-20а), а затем завершает утверждением, что душа Альфреда пребывает со Христом (20b). Знаменательный повтор: *mid Criste* – «со Христом» (9b, 20b) заключает обе части поэмы.

Поэтический текст о смерти Альфреда отличается от других поэм Англосаксонской хроники прежде всего по стилю и формальным особенностям. Эта поэма сочинена не классическим аллитерационным стихом, употребление которого ассоциировалось с героической поэзией или воспеванием побед уэссекских правителей и их дружинников (например, в «Битве при Бруннбурге», самой знаменитой из поэм Хроники). О мученической кончине наследника уэссекских королей и его соратников рассказано гиперметрическими, нередко рифмованными строками (1-5, 7, 10-12, 14, 16-17, 18, 19), в отдельных случаях лишенными аллитерации (7, 12, 15, 18).

Исследователи нередко отказывались видеть поэзию в тексте о смерти Альфреда и полностью исключали его из своего анализа⁷¹, или находили в ритме поэмы сходство со стихом Лаямона, считая ее принадлежащей низовой традиции аллитерационной поэзии⁷², или относили ее к примитивным формам рифмованных куплетов⁷³, полностью порывающим со всей традицией аллитерационного стиха⁷⁴ и приближающимся к раннесреднеанглийскому стихосложению⁷⁵. Можно высказать и иное предположение: формальные особенности поэмы, в частности звуковой состав и распределение рифмы, объясняются воздействием на англосаксонский стих скандинавского размера с конечной рифмой – рунхента, освоенном в древнеанглийской «Рифмованной поэме»⁷⁶.

«Смерть Альфреда» – первое древнеанглийское стихотворение (за исключением «Рифмованной поэмы»), в котором число строк с рифмой равно числу строк с аллитерацией (14 из 20)⁷⁷. В нескольких строках поэмы используются консонансы (*scylde* : *acwealde* 10), в других строках консонанс объединяется с аллитерацией (*gelyfenne* : *lofan* 8, *wurðlice* : *wurðe* 18), способной соотнести соседние долгие строки (*dreorlicre* : *dæd* : *gedon* : *Dene* 6-7). Конечная рифма (*sealde* : *acwealde*, *bende* : *blende*, *hamelode* : *hættode*), располагающаяся на последних ударных слогах полустиший и требующая

паузы между ними, способствует разрушению важного для аллитерационного стиха принципа несовпадения границ синтаксического и ритмического рядов.

Шесть полустушииш поэмы объединены полными рифмами или консонансами или созвучием суффиксов **lende** : **blende** : **blindne**; **muneson** : **wunode** : **lyfode**. В обеих триадах первая пара составляет полную корневую рифму (**lende** : **blende**, **muneson** : **wunode**), а вторая пара добавляет созвучие или начальных (аллитерацию **blende** : **blindne**), или конечных слогов (**wunode** : **lyfode**), завершая повышенно эмоциональный период. Можно предположить, что и рифма, и аллитерация в поэме имеют экспрессивную функцию – обе употребляются в строках, перечисляющих мучения, которым подвергаются Альфред и его соратники.

В отличие от классического стиха аллитерация в поэме имеет не структурную, но скорее орнаментальную функцию. Это подтверждается не только пропусками аллитерации и заменой ее рифмой, но и использованием аллитерации на заключительном ударном слове в строке (**ful wurdlice**, / **swa he wyrde wæs** 18), что было недопустимо по законам классического стиха. В отдельных строках метрические ударения падают на одни слоги (например, **Godwine**, **gelette**), а аллитерация отмечает другие (**Ac Godwine hine þa gelette** / **and hine on hæft sette**). В поэме допускаются строки с тремя полноударными слогами, невозможные по канонам классического стиха: например, в строке **Se æþeling lyfode þa gyt** 16a (с метрической схемой с необычной анакрузой [X] / XX / XXX /), последний слог которой, скорее всего, несет ударение и рифмуется при помощи консонанса с заключительным слогом глагола **gehet**. Анакруза здесь употребляется чаще, чем в классическом стихе (начальные и конечные безударные слоги встречаются в 25 полустушиишах из 40, ср. **Ac Godwine hine þa gelette** 6a, **seo saul is mid Criste** 25b), строки удлиняются (вторая и третья строки, например, состоят из 16 слогов), безударных слогов становится значительно больше (во второй и третьей строках их число достигает 12). Ритмическая организация строки приближается к разговорной речи, каждое полустушиише почти тождественно краткому высказыванию с естественным порядком слов. Инверсия в поэме встречается всего два раза: **Ne wearð dreorlicre dæd gedon on þison earde** – «Не было совершено более страшного деяния на этой земле», **ælc yfel man him gehet** – «всяческим злом ему грозили», и в обоих случаях имеет ярко выраженную экспрессивную функцию.

Как и ритмическая организация, синтаксическая структура поэмы имеет мало общего с синтаксисом классического западногер-

манского стиха. Синтаксические переносы (enjambment, Hakenstil) в ней не используются, цезуры отмечают границы полустихий, обычно совпадающие с предложениями (14 полустихий из 40 образуют отдельные предложения, еще 2 – придаточные предложения, остальные 24 представляют собой синтаксически независимые единицы). Совпадение синтаксических и стиховых границ облегчает использование семантического параллелизма (ср., например, *sume hi man wið feo sealde, / sume hreowlice acwealde, // sume hi man bende, / sume hi man blende, // sume hamelode, / sume hættode*). За первым предложением (*sume hi man wið feo sealde* – «некоторых из них продали за деньги») следуют параллельные предложения с анафорой, добавляющие новую информацию («некоторых жестоко убили», «некоторых заковали», «некоторых ослепили», «некоторых искалечили», «с некоторых сняли скальпы»). Предложения, таким образом, представляют собой краткие фразы, осложненные добавочными, близкими по смыслу высказываниями, которые полностью укладываются в полустихия.

В отличие от классического стиха в поэме отсутствует синтаксическая вариация, если не считать двух пар фраз, вводимых анафорами (*and sume mislice ofslöh* – «и некоторых разными способами умертвил» и *sume hreowlice acwealde* – «некоторых жестоко убили», а также *swa him wel gebyrede* – «так как ему подобало» и *swa he wurðe wæs* – «как он был достоин»). Однако если в аллитерационном стихе вариация использовалась для передачи сложных оттенков значений, перифрастически обозначая разные аспекты явления, то в поэме приведенные фразы контекстуально синонимичны, близки к семантическому повтору и употреблены в функции эмпазы. Сходную функцию имеет эмоциональный повтор глагола *blendan* – «ослеплять» и прилагательного *blind* – «слепой» в первой (в рассказе о судьбе спутников Альфреда: *sume hi man blende* – «некоторых ослепили») и во второй части текста (в повествовании об этелинге: *on sçure man hine blende, / and hine swa blindne* – «на корабле его ослепили, И так ослепленного...»), который позволяет составителю Хроники подчеркнуть, что мотив ослепления, и буквального и метафорического, используется в качестве ключевого мотива поэмы.

Вариация в аллитерационном стихе способствовала разнообразию его синтаксической организации, привнося в изошренную гипотаксическую структуру элементы паратаксиса. В отличие от классического стиха в поэме о смерти Альфреда преобладает паратаксис, подчинительных связей очень немного, все синтаксические связи между предложениями выражены при помощи всего не-

скольких служебных слов (*syððan* – «после того, как», *þæt* – «что», *odþæt* – «пока», *swa* – «как»). Как и в разговорной речи, в поэме используется преимущественно сочинительная связь, выраженная повторяющимся союзом *and*.

Упрощение синтаксической организации, преобладание партаксиса, отказ от вариации, разговорный синтаксис с естественным порядком слов, совпадение синтаксических и стиховых границ, облегчающее применение рифмы, орнаментальность аллитерации – все эти поэтические приемы, используемые создателем поэмы, отдаляют его от классического аллитерационного стиха. Напротив, на употреблении тех же приемов основан стиль ритмизованной аллитерированной и рифмованной прозы, распространенной в Англии в начале XI в., в частности в агиографических и гомилетических сочинениях Эльфрика и Вульфстана, стиль которых стал образцом для подражания бесчисленных имитаторов⁷⁸.

Ритмическая и звуковая организация поэмы о смерти Альфреда имеет черты сходства с ритмической прозой Эльфрика, использующей полные рифмы (*Op̄re mid isenum clawum totorene; / Sume mid stanum ofhrorene* – «другие разорваны железными крючьями; некоторые побиты камнями»⁷⁹), аллитерации и консонансы (например, *od̄de on fyre forbærnde / od̄de forðwyrftum limum ... tucode*⁸⁰ – «или сжигали на костре, или терзали, выворачивая конечности»), и с прозой Вульфстана, в которой воспроизводятся синтаксически независимые двухударные формульные фразы, связанные аллитерацией, разными видами рифмы, ассонансами и консонансами⁸¹, например: *Ne dohte hit nu lange inne ne ute, ac wæs here and hunger, bryne and blodgyte on gewelhwylcan ende and gelome. And us stalu and cwalu, stric and steorfa, orfcwealm and uncoþu, hol and hete and ȝypera reaflac derede swyþe þearle, and us ungylda swyþe gedrehtan, and us unwedera foroft weoldan unwæstma* (*Sermo Lupi ad Anglos*, 69-75)⁸² – «Сейчас в течение долгого времени ничего не процветало ни здесь, ни там, но почти во всех краях часто и все время были разруха и голод, огонь и кровопролитие. И воровство, и убийство, чума и мор, язва и болезнь, клевета и ненависть, и набеги грабителей наносили нам большой урон, и непомерные налоги сильно разоряли нас, и непогода часто уничтожала наши урожаи».

Рифмы (*totorene : ofhrorene, stalu : cwalu*), ассонансы (*ungylda : swyþe*) или консонансы (*derede : unwedera*) встречаются в ритмической прозе Эльфрика и Вульфстана так же часто, как и аллитерация⁸³, причем оба звуковых повтора нередко объединяются в наиболее эмоциональных отрезках текста (*bryne and blodgyte, stric and steorfa*). Аллитерация и рифма приобретают особую экспрессив-

ность в равноударных и стремящихся к равносложным синтагмах, как правило, объединяемых анафорой (and us) и параллелизмом (*inne ne ute, here and hunger*).

Влияние ритмической прозы Вульфстана и Эльфрика на поэму о смерти Альфреда трудно не заметить. Как и в ритмической прозе, в поэме об Альфреде звуковые повторы употребляются в экспрессивной функции. Ритмическая организация почти равносложных строк, которые заключаются личными формами глаголов, помещенными в абсолютный конец строки: *todraf : ofslöh; sealde : acwealde; bende : blende; hamelode : hættode*, позволяет передать гнев и возмущение создателя поэмы перечисляемыми им злодеяниями. Созвучными глагольными формами, в которых применяются аллитерация, ассонансы и рифма, заканчиваются наиболее эмоционально насыщенные строки, повествующие о мучениях спутников Альфреда, а затем о его ослеплении и гибели.

Строки, завершающие первую часть поэмы (*Ne wearð dreorlicre dæd / gedon on þison earde, // syþþan Dene common / and her frið namon* – «Не было совершено на этой земле деяния более кровавого, С тех пор как пришли даны и мир здесь заключили»), инвертируют гиперболическую формулу (*Ne wearð ... syþþan* – «не было ... с тех пор, как»), известную по «Битве при Брунанбурге» и потому вызывающую ассоциации с панегирической поэзией, в которой величие сражения соотносится с другим важнейшим событием – переселением народов и приходом англосаксов на Британские острова (*Ne wearð wæl mare // on þys iglande / æfre gyta // folces gefylled / beforan þyssum // swurdes ecgum, / þæs ðe us secgað bec, ealde uþwitan, siððan eastan hider // Engle and Sexe / upp becomon // ofer brade brimu, / Bretene sohton* – «не было большей сечи на этом острове никогда прежде, (больше) людей, убитых остриями мечей, как говорят нам книги, старые мудрецы, с тех пор как англ и саксы пришли сюда с востока по широкому морю, Британию отыскали»).

Та же формула употребляется в инвертированном виде в ритмизованной записи, помещенной в Хронику за 978 г., в которой убийство брата Этельреда Эдуарда Мученика тоже описывается как самое страшное деяние, совершенное по отношению к англам (или народом англоv): *Ne wearð Angelcynne nan wærsa dæd gedon, þonne þeos wæs syððon hi ærest / Bryton land sohton* – «Не было совершено по отношению к англам (или народом англоv) деяния страшнее, с тех пор как они впервые отыскали землю бриттов». Однако в строках об Альфреде за основу хронологической соразмерности берется не традиционное начало английской истории – великое переселение народов, покорение бриттов и приход победителей

англосаксов на Британские острова, и не принятие христианства, как в кратком поэтическом фрагменте, датированном 1011 г.⁸⁴, но нашествие жестоких викингов в начале XI в., которое Вульфстан считал наказанием, посланным англосаксам за их грехи.

Убийство Альфреда называется создателем поэмы самым кровавым преступлением, совершенным с тех пор, как Кнут и его потомки заняли английский престол. Имплицитно присутствующие ассоциации с привычными хронологическими рамками, напоминающими о предшествующих поэмах, заставляют осознать, до каких глубин падения дошли англосаксы, допустившие скандинавов в свою страну. Даны занимают в поэме о смерти Альфреда место англосаксов, и в качестве завоевателей Британии, и в качестве правящей династии, которая пришла на смену уэссекским королям, сознательно и жестоко уничтоженным своею же знатью.

Если Вульфстан возлагает на англосаксов вину за скандинавское завоевание, то создатель поэмы обвиняет их в убийстве Альфреда, уподобляя предательство, совершенное Годвине, государственной измене⁸⁵. Картина вырождения нации, изображающая англосаксов как превосходящих скандинавов в предательстве и вероломстве, сближает поэму с проповедями Вульфстана, в которых победа над бриттами и заселение англосаксами Британских островов рассматривается как основание для сравнения их прошлых преступлений с современными: «Среди бриттов был мудрый человек по имени Гильдас. Он писал об их преступлениях, о том, как они своими грехами так опечалили Господа, что Он попустил английским завоевателям захватить их страну и совершенно уничтожить британскую знать. И все это случилось так, как он сказал, из-за грабежа богатых и из-за сокрытия неправедно приобретенной собственности, из-за лени епископов и из-за преступной трусости посланников Божиих, которые слишком часто молчали о правде и бормотали себе под нос то, о чем должны были кричать. Из-за отвратительной роскоши каждого из людей, и из-за обжорства, и из-за многих грехов они уничтожили свою страну и погубили самих себя» (*Sermo Lupi ad Anglos*, 201-213). Подобно создателю поэмы о гибели Альфреда, Вульфстан проводит параллель между прошлым и современностью, однако говорит о завоеванных бриттах, сравнивая их с покоренными англосаксами, предсказывая их будущее и подчеркивая, что преступления англосаксов ужаснее грехов бриттов, а потому и возмездие за их злодеяния будет страшнее.

В проповедях Вульфстана явственно различимы те же интонации, что и в поэтической записи Хроники о смерти Альфреда: тот же крик ужаса и отчаяния, превосходно передаваемый ритмом и

аллитерацией; та же композиция: перечни грехов и злодеяний, напоминающие о воздаянии; тот же исторический фон: участвовавшие набеги викингов, сменившиеся полномасштабным завоеванием; бегство в Нормандию короля Этельреда и его сыновей Альфреда и Эдуарда; вторжение Свейна, смерть которого позволила Этельреду возвратиться в Англию в 1014 г.; падение морали и всеобщее национальное унижение, малодушие властей (ср. стремительное увеличение дани, выплачиваемой викингам во время долгого правления Этельреда в 978–1016 гг.: 991 г. – 10 000 фунтов, 1002 г. – 24 000 фунтов, 1012 г. – 48 000 фунтов). Имплицитные ассоциации поэмы о смерти Альфреда с прозой Вульфстана более настойчиво напоминают о возмездии и призывают к покаянию, чем непосредственно выраженная дидактика.

В экспрессивном восклицании о том, что подобного злодеяния не было совершено с тех пор, как на Британские острова пришли даны, создатель поэмы использует амбивалентное формульное словосочетание *frīð nīman* – «принять мир». Употребленная здесь формула встречается и в другой древнеанглийской поэме «Битва при Мэддоне», причем тоже в знаменательном контексте – в речи викингского посланца, в которой он настойчиво говорит о мире, готовя войну. Викинг предлагает англосаксам возможность избежать битвы, если они «дадут выкуп с миром (*т. е. добровольно*) и примут от нас мир» (*syllan ... feoh wið freode and nīman frīð æt us 38-39*), и обещает, что в этом случае викинги «уедут по морю и сохранят с ними мир» (*on flot feran and eow friþes healdan 41*). Нельзя исключать, что в поэме о смерти Альфреда сохраняются негативные ассоциации выражения *frīð nīman* – «принимать мир», употребленного в «Битве при Мэддоне» в контексте враждебной речи викингского посланца, которая вызывает справедливое возмущение тех англосаксов, к которым она была обращена, и ведет к их гибели после кровопролитного сражения.

Значение использованного здесь глагола *nīman* – «брать, отбирать, уносить» (ср. в «Беовульфе» *gif mec deaþ nīmeþ 447* – «если меня смерть заберет», *gif mec hīld nīme 452* – «если меня битва возьмет», *leton weg nīman ... frætwa hyrde 3132* – «позволили волнам унести стража сокровищ», т. е. дракона) позволяет истолковать строки поэмы о приходе данов не только в том смысле, в каком их обычно трактуют издатели Хроники («не было большего злодеяния, с тех пор как даны пришли и мир заключили»), но и в противоположном («не было большего злодеяния, с тех пор как даны пришли и мир забрали», т. е. отняли). Как можно предположить, в поэме подразумевается, что смена династии и гибель уэссекского

наследника непосредственно связаны с приходом на Британские острова данов, принесших не мир, но вражду.

Строки, задающие необычную зловещую точку отсчета (завоевание данов), отделяют первую часть поэмы от ее второй части. Разрыв между частями отмечается употреблением в абсолютном начале строки наречия *Nu* – «теперь, ныне», палеографически выделенного в Абингдонской рукописи черным минускулом высотой в 4 миллиметра⁸⁶. Палеография знаменует переход к кульминации поэмы, описанию мученической смерти и погребения Альфреда Этелинга. Гнев и возмущение создателя поэмы обращены против виновников злодеяния (Годвине и Харольда Заячьего Лапа), которые осмелились поднять руку на представителя королевского рода, защищенного англосаксонскими законами о неприкосновенности.

Страшным карам, постигшим Альфреда и его соратников, могли подвергнуться, согласно англосаксонским законам, лишь самые закоренелые преступники (ср., например, в законах Кнута: «и во второй раз если нет никакого иного средства покарать его вину, то могут быть отрезаны его руки, ноги или и то, и другое, в зависимости от его преступления»⁸⁷). Очевидно, одни части тела считались более важными, чем другие; зрение, в частности, ценилось выше всего. Враги Альфреда ослепили его, хотя он был защищен законом о неприкосновенности и ни в чем не был виноват, только для того, чтобы он не мог унаследовать английский престол; однако, согласно законам Кнута, лишением зрения могли карать только самых злостных воров, пойманных с поличным не один раз («а если он тогда совершил еще большие преступления, то должны быть выколоты его глаза, отрезаны нос, уши и верхняя губа или с него может быть снят скальп, в зависимости от того, что решат те, кто вершит суд; так можно наказывать и спасти душу»⁸⁸). В законах Кнута, которые, как считают некоторые исследователи, были составлены Вульфстаном⁸⁹, телесные наказания, очевидно, рассматривались как замена смертной казни и позволяли спасти душу преступника. Нанесение телесных увечий и спасения души соотнесены не только в законах, но в поэме о смерти Альфреда.

Предполагалось, что «дискурс изувеченного тела может свидетельствовать о вине наказуемого»⁹⁰, однако создатель поэмы оспаривает эту возможность, включая в поэму упоминания об убиенных без вины и о почетном месте погребения Альфреда. Повторяющиеся эмоциональные утверждения о невинности казненных нехарактерны для стиля Хроники, составители которой стремятся дать максимально точную запись всех происходящих событий. Создатель поэтического текста отступает от Хроникальных канонов,

желая показать, что увечья нанесены этелингу вопреки закону и ни в коей мере не свидетельствуют о его виновности.

Характерная для англосаксонских законов юридическая лексика преобладает и в поэме о смерти Альфреда, начисто лишенной в отличие от классического стиха поэтизмов и архаизмов. К юридической лексике следует отнести такие слова, как *unriht* – «несправедливо», *on hæft settan* – «брать в плен», *gerædan* – «устанавливать, решать», *hamelian* – «калечить», *hættian* – «снимать скальп». Последние два глагола *hamelian* и *hættian* встречаются не только в юридических⁹¹, но и в агиографических памятниках, например в «Житии Маккавеев» Эльфрика в описании пыток, претерпеваемых святыми мучениками Маккавеями от руки нечестивого языческого царя Антиоха Епифана⁹².

Поэма об Альфреде заимствует из агиографической прозы Эльфрика⁹³ не только лексику. Можно предположить, что создатель поэмы об Альфреде следует житиям Эльфрика и в использовании словесных повторов (ср. у Эльфрика: *We sceolon geþencan hu geþyldige hi wæron / þa þe for Cristes naman gecwylmede wæron* – «Мы должны думать о том, как терпеливы были они, те, кто были убиты ради Христа»⁹⁴), и в употреблении параллелизмов и анафор (*Sume hi wæron mid wæpnum ofslegene; / sume on lige forswælede... / sume mid winterlicum cyle geswencte, / sume mid hungre gecwylmede; / sume handum and fotum forcorfene*⁹⁵ – «некоторые были убиты оружием, некоторые погублены пламенем, некоторые замучены зимним холодом, некоторые умерщвлены голодом, у некоторых отрезаны руки и ноги»). Анафоры Эльфрика дословно совпадают с анафорами из поэмы об Альфреде (*sume hi man wið feo sealde, / sume hreowlice acwealde, // sume hi man bende, / sume hi man blende, // sume hamelode, / sume hættode* – «и некоторых разными способами умертвил; некоторые были проданы за деньги, некоторые жестоко убиты, некоторые были закованы, некоторые ослеплены, некоторые были искалечены, с некоторых сняты скальпы») и тоже образуют своеобразные каталоги или перечни, в которых перечисляются пытки и терзания. Как и Эльфрик, создатель поэмы в каждой строке добавляет новые преступления, свидетельствующие о жестокости мучителей, и новые страдания безвинно осужденных.

Максимально близки центральной антитезе поэмы об Альфреде и темы агиографической прозы Эльфрика: земные страдания и вечная награда. К житиям святых восходит характерно агиографическое противопоставление, которое лежит в основе поэмы: страданий в земной юдоли и вечного райского блаженства, эксплицируемое столкновением в одной долгой строке словосочетаний «жесто-

ко убитые» (*earnlice acwealde*) и «ликуют радостно со Христом» (*blission bliðe mid Criste*). Можно предположить, что скорее в агиографическом, чем в юридическом контексте следует рассматривать те пытки и казни, которым были подвергнуты Альфред и его соратники, несмотря на то что, как настаивает создатель поэмы, на этелинге и его спутниках не было никакой вины.

Не столько о законах, сколько о житиях святых постоянно упоминает и утверждение о правоте и невинности жертв, лейтмотивом проходящее в поэме и в предшествующем ей прозаическом тексте: Альфред называется «безвинным этелингом» (*se unsceddīga æþeling*), попавшим в руки узурпатора, чье избрание на престол было незаконным (*hit unriht wære*); его замученные сподвижники пребывают в блаженстве со Христом (*þæt hi blission bliðe mid Criste*), ибо они были жестоко убиты «без вины» (*buton scylde*); душа Альфреда, чье тело находится в почетном месте монастыря в Эли, пребывает со Христом.

Последние строки поэмы рассказывают о погребении невинно убиенного Альфреда (*Syddðan hine man byrigde, swa him wel gebyrede* – «Потом его похоронили, как ему подобало»), которое было произведено «с полным почетом, как он был достоин» (*ful wurðlice, swa he wurðe wæs*). Полная рифма (*byrigde : gebyrede*) и полный консонанс (*wurðlice : wurðe*) корневых морфем соотносят пары слов, связанных с семантикой смерти и похорон, с одной стороны, и чести и достоинства – с другой, подсказывая аудитории мысль о контекстуальном смысловом родстве этих понятий.

В отличие от других записей Хроники, в которых место погребения правителя или духовного лица обозначается формульными выражениями: «он похоронен в...» (ср. в Петерборской рукописи в анналах за 1016 г.: *þa ... forðferde se cyng Eadmund and is byrged ... on Glæsting byrig⁹⁶* – «тогда почил король Эдмунд, и его похоронили в Гластонбери), или: «его тело находится в ...» (ср. в Абингдонской рукописи за 981 г.: *forðferde Ælfstan bisceop ... and his lic lið on þam mynstre æt Abbandune* – «почил епископ Эльфстан, и его тело находится в монастыре Абингдоне»), поэма заключается подробным и точным описанием того места, где похоронен Альфред: «На западной стороне, совсем близко от башни, в южном боковом приделе; его душа пребывает со Христом» (*æt þam westende, / þam styple ful gehende, // on þam sudþortice; / seo saul is mid Criste*). Предполагается, что столь точное указание места погребения связано с почитанием Альфреда как мученика⁹⁷, которое отражено уже в «Энкомии королеве Эмме». Обстоятельства гибели Альфреда здесь описываются иначе, чем в Хронике, а именно: за ослеплением этелинга сле-

дует его убийство приспешниками Харольда Заячьего Лапа, и лишь после этого его тело приносят монахам в Эли для погребения⁹⁸. Тем самым гибель Альфреда в Энкомии еще более явно, чем в Хронике, рассматривается не только в исторической, но и в агиографической плоскости: Альфред изображается как христианский мученик, на могиле которого творятся чудеса.

Полная конечная рифма *westende* : *gehende*, повторяющая семантически значимый суффикс *-ende* (ср. древнеангл. существительное *ende* – «конец, окончание, смерть»), подчеркивает мысль о надвигающемся конце всей уэссекской династии и неотвратимости прихода к власти датских правителей, потомков Кнута. Отпрыск королевской крови, неприкосновенный согласно англосаксонским законам, становится жертвой лишь потому, что в страну пришли даны и похитили мир. Однако если в законах, очевидно, составленных Вульфстаном, заявляется, что физическое наказание спасает душу, то в поэме утверждается, что мучители Альфреда не властны над его душой. Справедливость, устанавливаемая на небесах, превышает самоуправства земных владык. Создатель поэмы находит оптимистическое разрешение для своей трагической антитезы – окончание земного пути мученика ведет к вечному райскому блаженству.

Нельзя не заметить, что поэма о смерти Альфреда отличается от других поэм Хроники не только по форме и стилю, но и по жанру и содержанию. Если «Битву при Брунанбурге» или «Завоевание Пяти Бургов» можно отнести к панегирикам, то поэма о смерти Альфреда, созданная в условиях его складывающегося культа, отнюдь не славословие правителю. Этот рассказ о том, как юного героя и его соратников пытали и убили приспешники жестокого Годвине, ближе к агиографическим и гомилетическим повествованиям, к которым восходит и его звукопись, и его лексика, и его семантика, и его основная тональность. Хладнокровное предательство и особая жестокость, с которой было совершено преступление, вызывают у создателя поэмы сострадание и жалость. Эти чувства, столь далекие от пронизывающего другие англосаксонские поэмы восхищения мужеством героев, погибших, пусть и безвременно, но в честном бою, были бы уникальны в Англосаксонской хронике, если бы не более ранний поэтический фрагмент, включенный в Вустерскую и Петерборскую рукописи за 978 г.

Как и поэме о смерти Альфреда, поэтическому тексту, рассказывающему о гибели старшего брата Этельреда, Эдуарда Мученика, в обеих рукописях Хроники предшествует объясняющее его прозаическое вступление: «978 г. Тогда король Эдуард был убит

в вечернее время 18 марта в расщелине Корфа, и его похоронили в Веархэме без всяких королевских почестей» (Her wæs Eadward cyng ofslagen on æfentide æt Corfesgeate on .xv. kalendas Aprilis, and hine man bebyrigde æt Wærham butan ælcum cynelicum wurdscipe):

<p>Ne weard Angelcynne nan wærsa dæd gedon þonne þeos wæs syððon hi ærest Brytonland gesohton. Men hine ofmyrðrodon, ac God hine mærsode. He wæs on life eorðlic cing; he is nu æfter deaðe heofonlic sanct. Hine nolden his eorðlican magas wrecan, ac hine hafað his heofonlica fæder swiðe gewrecen. Ða eorðlican banan woldon his gemynd on erðan adilgian, ac se uplica Wrecend hafað his gemynd on heofenum and on eorðan tobræd. Ða þe nolden ær to his libbendum lichaman onbugan, þa nu eadmodlice on cneowum abugað to his dædum banum. Nu we magon ongytan þet manna wisdom and smeagunga and heore rædas syndon nahtlice ongean Godes geþeaht.</p>	<p>Не было совершено по отношению к англам (<i>или народом англоv</i>) деяния хуже, чем это, с тех пор как они впервые нашли землю бриттов. Люди убили его, но Господь прославил его. При жизни он был земным королем, а сейчас после смерти он небесный святой. Его земные сородичи не захотели отомстить за него, но его Отец Небесный сильно отомстил за него. Земные убийцы хотели истребить память о нем на земле, но его Вышний Отмститель распространил память о нем и на небесах, и на земле. Те, кто раньше не хотели кланяться его живому телу, теперь смиренно на коленах кланяются его мертвым костям. Теперь мы можем понять, что мудрость, и намерения людей, и их советы ничтожны перед Господним промыслом.</p>
--	---

Композиция обеих поэм основана на антитезе – человеческие беззакония противопоставлены в них незыблемому закону Высшей справедливости. В обеих поэмах преступления людей соотносятся с определенной точкой отсчета, которая задается одной и той же формулой гиперболы (Ne weard + прилагательное в сравнительной степени): в поэме об Эдуарде – это заселение англосаксами Британских островов («Не было совершено по отношению к англам (*или англами*) деяния хуже, с тех пор как они впервые отыскивали землю бриттов»)⁹⁹; в поэме об Альфреде – это нашествие викингов («Не было совершено на этой земле деяния более кровавого, с тех пор как пришли даны и мир здесь заключили»). Иная, Высшая точка отсчета задается в заключительных строках обеих поэм, утверждающих мысль о тщете людских усилий и всевластии Божественного милосердия.

В поэме об Альфреде противопоставление земных страданий мучеников и вечного блаженства, ожидающего их после смерти

(заданного контрастом наречий *þa* – «тогда» и *nu* – «ныне»), лежит в основе двух частей, состоящих из 10 сложносочиненных и сложноподчиненных предложений, которые укладываются в 10 строк. Главные приемы (повторы и параллелизмы), при помощи которых центральная антитеза раскрывается в поэме об Альфреде, используются и в поэме об Эдуарде. В поэме об Эдуарде, которая состоит из 10 придаточных, составляющих пять сложносочиненных предложений, и заключительного двустипшия, центральная антитеза тоже строится на последовательном противопоставлении двух временных пластов, описываемых временными наречиями «тогда» (*þa*) и «ныне» (*nu*).

В первом предложении (*Men hine ofmygdron, / ac God hine mærsode* – «Люди убили его, но Господь прославил его») главные члены противопоставляются (подлежащие *men* – «люди» : *God* – «Бог» и сказуемые *ofmygdron* – «убили» : *mærsode* – «прославил», связанные аллитерацией), а второстепенные повторяются (дополнение *hine* – «его»). Второе предложение (*He wæs on life eorðlic cing; / He is nu æfter deaðe heofonlic sanct* – «При жизни он был земным королем, а сейчас после смерти он небесный святой») тоже строится на противопоставлении земной и посмертной судьбы героя, которое раскрывается при помощи параллелизмов (*wæs* – «был» : *is* – «есть»), повторов (*he*) и контекстуальных антонимов (*on life* – «при жизни» : *æfter deaðe* – «после смерти», *eorðlic* – «земной» : *heofonlic* – «небесный», *cing* – «король» : *sanct* – «святой»). Эстетический эффект здесь достигается теми же средствами, что и в поэме о смерти Альфреда: лексемными повторами и контекстуальными антонимами (ср. в поэме об Альфреде столкновение в едином контексте сказуемых «ликовать» и «были убиты», относящихся к одному подлежащему *hi* – «они»: *þæt hi bliission / bliðe mid Criste // þe wæron butan scylde / swa earmlice acwealde* – «что те, кто без вины, были так жестоко убиты, ликуют радостно со Христом»).

Третье предложение (*Hine nolden his eorðlican magas wrecan, / ac hine hafað his heofonlica fæder swiðe gewrecen* – «Его земные сородичи не отомстили за него, но его Отец Небесный сильно отомстил за него») подхватывает противопоставление земного и небесного, заданное предшествующей фразой, при помощи параллельных конструкций с повторяющимися словами (*hine* – «его» и *wrecan, gewrecan* – «отомстить») и контекстуальных антонимов (*eorðlican magas* – «земные сородичи» : *heofonlica fæder* – «небесный отец»). В четвертом предложении (*Þa eorðlican banan woldon his gemynd / on eorðan adilgian, // ac se uplica Wrecend hafað his gemynd / on heofenum and on eorðan tobræd* – «Земные убийцы хотели ис-

требить память о нем на земле, но его Вышний Отмститель распространил память о нем и на небесах, и на земле») развивается противопоставление земного и небесного, вновь применяются приемы параллелизмов, повторов (*his gemynd* – «память») и антонимичных конструкций (*eorðlican banan* – «земные убийцы»: *urlica Wrecend* – «Вышний Отмститель», *on heofenum* – «на небесах»: *on eorðan* – «на земле», *adilgian* – «истребить»: *tobræd* – «распространил»). Напомним, что антитеза земных страданий и небесного блаженства лежит в основе поэмы об Альфреде, в которой она раскрывается теми же стилистическими средствами, что и в поэме об Эдуарде (ср. восьмикратные параллелизмы, вводимые восьмикратным анафорическим повтором *sime*, шестикратный повтор *swa*, трехкратный повтор глаголов и прилагательных с корнем *blind-*).

Пятое предложение (*Pa þe nolden ær to his libbendum lichaman onbugan, þa nu eadmodlice on sneowum abugað to his dædum banum* – «Те, кто раньше не хотели склоняться перед его живым телом, теперь смиренно кланяются на коленях его мертвым костям») строится на материализации контраста до и после смерти, раскрытого при помощи параллелизма антонимов (*ær* «прежде»: *nu* – «теперь», *to his libbendum lichaman* – «перед его живым телом»: *to his dædum banum* – «перед его мертвыми костями») и повторов с отрицанием (*nolden onbugan* – «не хотели кланяться»: *abugað* – «кланяются»). Все члены первой части каждого предложения, рассказывающего о земных страданиях Эдуарда, отрицаются составными элементами второй части: «люди убили»: «Господь прославил», «сородичи не отомстили»: «Отец Небесный отомстил», «не хотели кланяться»: «кланяются», «земные сородичи»: «Отец небесный», «земные убийцы»: «Вышний Отмститель», «живое тело»: «мертвые кости», «на небесах»: «на земле». Материализация контраста до и после смерти в поэме об Альфреде тоже выражена при помощи противопоставления земных страданий этелинга и описания его погребения, однако основная антитеза здесь сформулирована в краткой заключительной фразе в настоящем времени, которая завершает всю поэму, как удар колокола: «Его душа – со Христом» – *seo saul is mid Criste*.

В поэме об Эдуарде заключительный дистих (*Nu we magon ongytan þet manna wisdom and smeagunga and heore rædas syndon nahtlice ongean Godes gebeaht* – «Теперь мы можем понять, что мудрость, и намерения людей, и их советы ничтожны перед Господним промыслом») тоже строится на антитезе земного и небесного. Однако грамматическое множество здесь парадоксальным образом опровергается семантическим единством: Божественный промы-

сел (*Godes geþeahht*) превосходит все людские умыслы, желания и стремления. Конструкция *Nu we maƒon ongytan* – «Теперь мы можем понять» (ср. в поэме об Альфреде: «Теперь нужно верить» – *Nu is to gelyfenne*) придает всему рассказу о судьбе невинно убиенного короля оттенок дидактики и сближает его с гомилетическими текстами, поучением, наставлением, свидетельством, дидакалией.

Стилистические приемы в поэме об Эдуарде, так же как и в поэме об Альфреде, восходят к английской гомилетической и агиографической традиции, засвидетельствованной Вульфстаном и Эльфриком. Как и в поэме об Альфреде, здесь используются парные формулы (*on heofenum and on eorþan* – «на небесах и на земле», *wisdom and smeagunga* – «мудрость и намерения»), суффиксальные рифмы (*to his dædum banum* – «перед его мертвыми костями»), орнаментальные аллитерации (*men : myrðodon, hafað : heofonlica, libbendum : lichaman*), тончайшие семантические соответствия, сообщающие дополнительные смыслы неявно соотносимым лексемам (ср. словосочетания *eorðlican maƒas* – «земные сородичи» и *eorðlican banan* – «земные убийцы», противопоставленные обозначениям Бога: *heofonlica fæder* – «Небесный Отец» и *se uplica Wrecend* – «Вышний Отмститель»).

К агиографической проповеди близки (в том числе и стилистически, и ритмически, см. выше) и поэма об Альфреде, и поэма об Эдуарде. Обе проникнуты верой в то, что за преступлениями, совершенными людьми, последует награда на небесах. В поэме о гибели Альфреда из Абингдонской рукописи утверждается: «Ныне должно верить в Возлюбленного Господа, что те, кто без вины, были так жестоко убиты, ликуют радостно со Христом», а в поэтическом тексте о гибели Эдуарда из Петерборской рукописи говорится, что Господь отмстил за его гибель, прославив его на небесах и на земле, хотя его враги пытались стереть всякую память о нем. В Петерборской рукописи Эдуард называется «небесным святым» (*heofonlic sanct*); в Абингдонской рукописи, в которой текст поэмы отсутствует, подтверждается, что Эдуард «принял мученическую кончину» (*gemartyrad*)¹⁰⁰.

В обеих поэмах прослеживается преобразование человека в святого, начинающееся с рассказа о мучениях и смерти, затем продолжающееся в описании его погребения – судьбы тела, и завершающееся утверждением о его посмертном существовании: мучители Альфреда, лишившие его не только надежды на престол, но и самой жизни, не смогли воспрепятствовать его вечному спасению; убийцы Эдуарда, не желавшие воздавать ему почести при жизни, почитают его как святого. Темы обеих поэм не столько историографиче-

ские, сколько гомилетические и агиографические: их создатели не только регистрируют исторические события, но и рассказывают о мученичестве и спасении, используя лексику, ритмику, звуковые и стилистические приемы, почерпнутые из агиографических и гомилетических сочинений Эльфрика и Вульфстана.

Обе поэмы о мучениках принадлежат к наиболее эмоциональным записям во всей Хронике. Их создатели, подобно знаменитым англосаксонским проповедникам, выступают от лица всей нации, выражая боль, гнев и возмущение чудовищными злодеяниями, учиненными над потомками уэссекской королевской династии. Преступления, о которых идет речь в обеих поэмах, совершены теми, кто занимает самое высокое положение, – членами королевской семьи и близкими родственниками погибших. Если Альфред был убит по приказанию своего сводного брата Харольда, то в смерти Эдуарда, очевидно, повинны сторонники его сводного брата Этельреда и, вероятно, мать последнего, королева Эльфтруд (вторая жена короля Эдгара Миротворца), заинтересованная в том, чтобы именно Этельред, а не Эдуард унаследовал королевский престол. Хотя Этельред был слишком молод (ему едва исполнилось 10 лет), чтобы самому выступать против брата, преступление было совершено ради него и в его интересах – он взшел на престол через месяц после убийства своего сводного брата.

Мученичество обоих безвинно убиенных потомков королей проливает новый свет на прозаические записи, следующие за поэтическими песнями о них. Запись в Петерборской хронике за 978 г. включает не только прозаическое вступление к поэме, приведенное выше, но и прозаическое заключение к ней: «И тогда Этельред получил королевство и очень скоро при большом ликовании советников английского народа был коронован в Кингстоне». Хотя оба события (убийство законного короля и восшествие на престол его сводного брата) явным образом не связаны, сопоставление двух событий в единой записи предполагает причинно-следственную связь между ними. За поэмой о гибели Альфреда в Абингдонской рукописи тоже следует аналогичная запись, но уже о Харольде: «Тогда Харольд был повсюду избран как король, а Хардакнут забыт, ибо он слишком долго был в Дании; и его мать королева Эльфгифу (Эмма) была изгнана безо всякого милосердия (*butan ælcere mildheortnesse*) навстречу бушующей зиме». Составитель Хроники несомненно предполагал, что его читатели установят причинно-следственную связь между всеми перечисляемыми им событиями, причем именно в предлагаемой им последовательности: мученичество законного короля (и наследника престола) – восшествие

на престол узурпатора – забвение второго законного наследника – унижение и изгнание матери обоих несправедливо лишенных трона сыновей (Альфреда и Хардакнута).

Обе поэмы рассказывают о злодейских убийствах, нарушающих не только родственные связи, но и священный долг гостеприимства. Если Альфред покинул Нормандию, где провел несколько лет у своего дяди и двоюродного брата, и пересек границы Англии, в которой жила его мать Эмма и правил его сводный брат Харольд, то Эдуард, коронованный в конце 975 г., приехал в Корф два с половиной года спустя навестить своего сводного брата Этельреда, жившего со своей матерью Эльфгрюд. В судьбах героев обеих записей Хроники можно увидеть много общего: убийства, описываемые в поэмах, были совершены в результате предательства; никто не был наказан за злодеяния; на могилах мучеников стали происходить чудеса; место захоронения оказалось особенно важным, так как стало предметом поклонения. Неудивительно поэтому, что создатель поэмы о гибели Альфреда мог избрать за образец для своего произведения ритмизованную запись об убийстве Эдуарда Мученика.

* * *

Последствия злодеяний, о которых рассказывают обе поэмы, трудно переоценить. Уильям Малмсберийский утверждает, что все беды, которыми изобиловало правление Этельреда, считались в народе наказанием за убийство Эдуарда¹⁰¹. Уважение к власти во времена Этельреда было утрачено навсегда, ибо король получил престол благодаря преступлению, которое в Хронике называется наихудшим из всего, что было содеяно с тех пор, как англы пришли на Британские острова.

Трагическая неудача Альфреда, сына Этельреда и племянника Эдуарда Мученика, имела последствия не только для Англии, но и для всего хода европейской истории. Преступление, совершенное Харольдом и Годвине против отпрыска королевской крови, потрясло умы современников и было использовано как оправдание для нормандского вторжения в Англию в 1066 г., тем более что последний англосаксонский король Харольд приходился сыном эрлу Годвине, сыгравшему главную роль в злодеянии¹⁰². Вильгельм из Пуатье перечисляет причины, которые объясняют (а скорее, задним числом оправдывают) вторжение герцога Вильгельма Нормандского в Англию: он доводился родственником Эдуарду и Альфреду по матери (его отцом был Роберт, двоюродный брат Эдуарда и Альфреда), Эдуард был благодарен отцу и деду Вильгельма за то, что те предоставили ему и его брату Альфреду убежище в Нор-

мандии, поддержка герцога Вильгельма помогла Эдуарду получить английский престол, Эдуард сам назначил своим преемником герцога Вильгельма, «которого любил вместо брата или сына» (*quem loco germani aut prolis adamabat*)¹⁰³ и передал ему в заложники сына и внука Годвине¹⁰⁴, так как печальная судьба Альфреда Этелинга показала, что Годвине оказался не заслуживающим доверия предателем и убийцей¹⁰⁵.

Вильгельм из Пуатье основывает свои объяснения на свидетельстве Вильгельма Жюмьежского, впервые изложившего на бумаге рассказ о том, как Эдуард Исповедник обещал английский престол герцогу Вильгельму Нормандскому, а в 1051 г. послал в Нормандию только что назначенного архиепископа Кентерберийского Роберта Жюмьежского подтвердить свое обещание в присутствии герцога. Как пишут нормандские историки, Эдуард Исповедник незадолго до смерти отправил в Нормандию Харольда, сына Годвине, лично принести клятву герцогу Вильгельму¹⁰⁶, и Харольд поклялся защищать интересы Вильгельма в Англии и подтвердить его права на английский престол в случае смерти Эдуарда¹⁰⁷. Поэтому, захватив трон после кончины короля Эдуарда, сын Годвине, как считают нормандские историки, начиная с Вильгельма Жюмьежского и Вильгельма из Пуатье, оказался лжесвидетелем, за что и был наказан Господом¹⁰⁸. Поражение англичан в битве при Гастингсе и нормандское завоевание Англии, как на том настаивает Вильгельм Жюмьежский, были возмездием за убийство этелинга Альфреда 30 годами ранее: «Говорят, что в этом сражении погело много тысяч англичан, то было Господней карой за незаконное убийство Альфреда, брата короля Эдуарда»¹⁰⁹.

Примечания

- ¹ Этелингом назывался любой член королевской семьи, по закону имеющий право наследовать королевский престол (*Dumville D.N. The Ætheling: A Study in Anglo-Saxon Constitutional History // Anglo-Saxon England. 1979. Vol. 8. P. 1–33*).
- ² *Keynes S. The Æthelings in Normandy // Anglo-Norman Studies. 1991. Vol. 13. P. 173–205*.
- ³ «and eall peodscipe hine heafde for fullne cyning», Абингдонская (С), Петерборская (Е) рукописи (*Two of the Saxon Chronicles Parallel: In 2 vols / Ed. by J. Earle. Oxford, 1865. Vol. 1. P. 148*).
- ⁴ «Госпожа тогда направилась по морю к своему брату Ричарду, и вместе с ней Эльфсиге, аббат Петерборо», Абингдонская (С), Вустерская (D), Петерборская (Е) рукописи (*Ibid. P. 149*).

- ⁵ Абингдонская (С), Петерборская (Е) рукописи (Ibid. P. 150).
- ⁶ *Keynes S.* Introduction to the 1998 Reprint. *Queen Emma and the Encomium Emmae Reginae* // *Encomium Emmae Reginae* / Ed. by A. Campbell. Cambridge, 1998. P. xiv, xxxix.
- ⁷ *Encomium Emmae Reginae*. P. 34.
- ⁸ Согласно Энкомию (Ibid. P. 6, 52–34) Кнут всегда считал, что Хардакнут должен править и Англией, и Данией.
- ⁹ *Two of the Saxon Chronicles Parallel*. Vol. 1. P. 164.
- ¹⁰ Ibid.
- ¹¹ Ibid. P. 165.
- ¹² *The Chronicle of John of Worcester: In 3 vols* / Ed. by P. McGurk, R.R. Darlington. Oxford, 1995. Vol. 2: *The Annals from 450 to 1066*. P. 520.
- ¹³ *Two of the Saxon Chronicles Parallel*. Vol. 1. P. 166.
- ¹⁴ Sub anno 1035. He sende to and let niman of hyre ealle þa bestan gærsuma ... þe Cnut cing ahte (Ibid. P. 164).
- ¹⁵ *Encomium Emmae Reginae*. P. 41–43.
- ¹⁶ *Superque patrio regno adipiscendo cum ageret incautious* (The Life of King Edward who rests at Westminster attributed to a monk of Saint-Bertin / Ed. and transl. by F. Barlow. Oxford, 1992. P. 32).
- ¹⁷ *Sceptrum et ipse* (Alveradus) *paternum requirebat* (The Gesta Guillelmi of William of Poitiers / Ed. and transl. by R.H.C. Davis, M. Chibnall. Oxford Medieval Texts. Oxford, 1998. P. 6).
- ¹⁸ Абингдонская рукопись Англосаксонской хроники (sub anno 1036), хроника Иоанна Вустерского (The Chronicle of John of Worcester. Vol. 2. P. 523–525), «Деяния нормандских правителей» Вильгельма Жюмьежского (*William of Jumièges*. The Gesta Normannorum Ducum of William of Jumièges, Orderic Vitalis and Robert of Torigni / Ed. by E.M.C. van Houts: In 2 vols. Oxford, 1992–1995. Vol. 1. P. 130–131).
- ¹⁹ Вустерская рукопись Англосаксонской хроники (sub anno 1036); «Энкомий королеве Эмме» (*Encomium Emmae Reginae*. P. 41–47); «Житие короля Эдуарда Исповедника» (The Life of King Edward... P. 32–34); Вильгельм из Пуатье (The Gesta Guillelmi of William of Poitiers. P. 7–11).
- ²⁰ *Encomium Emmae Reginae*. P. 40.
- ²¹ Ibid. P. 40–42.
- ²² Ibid. P. 42.
- ²³ Ibid.
- ²⁴ Ibid.
- ²⁵ Иоанн Вустерский считает, что оба этелинга отправились в Англию в сопровождении отряда нормандских воинов (The Chronicle of John of Worcester. Vol. 2. P. 522–525).
- ²⁶ *Encomium Emmae Reginae*. P. 42.
- ²⁷ Ibid.

- ²⁸ Ibid.
- ²⁹ Воины фиваидского легиона, состоявшего из 6600 солдат-христиан, во главе со святым Маврикием были подвергнуты децимации римским императором Максимианом Геркулием (285–305 гг.) за то, что отказались принимать участие в жертвоприношении римским богам, включавшем убийство христиан.
- ³⁰ *Encomium Emmae Reginae*. P. 44.
- ³¹ Предельная эмоциональность рассказа об убийстве Альфреда в Энкомии объясняется, вероятно, не только тем, что события пятилетней давности были свежи в памяти его создателя, но и тем, что свой труд он творил по приказу королевы Эммы – матери, потерявшей сына.
- ³² *Encomium Emmae Reginae*. P. 44–46.
- ³³ Ibid. P. 44–47.
- ³⁴ *The Life of King Edward...* P. 32–35.
- ³⁵ Ibid. P. 29–33.
- ³⁶ *William of Jumièges*. Op. cit. Vol. 2. P. 106.
- ³⁷ Ibid. P. 106–107.
- ³⁸ Ibid. P. 76–77.
- ³⁹ *Douglas D. William the Conqueror: The Norman Impact Upon England*. L., 1966. P. 163.
- ⁴⁰ *William of Jumièges*. Op. cit. Vol. 2. P. 76–78.
- ⁴¹ Ibid. P. 106. О попытке Эдуарда высадиться в Англии говорится также в «Деяниях Вильгельма» Вильгельма из Пуатье (*The Gesta Guillelmi of William of Poitiers*. P. 2–6).
- ⁴² *William of Jumièges*. Op. cit. Vol. 2. P. 76–78.
- ⁴³ *The Chronicle of John of Worcester*. P. 525.
- ⁴⁴ *Two of the Saxon Chronicle Parallel*. Vol. 1. P. 166.
- ⁴⁵ Ibid.
- ⁴⁶ Sub anno 1040. Her swealt Harald cing. Ða sende man æft Harðacnute to Brigge. – «Тогда умер король Харольд. Тогда послали за Хардакнутом в Брюгге» (Ibid.).
- ⁴⁷ Sub anno 1040. He let dragan up þæne deadan Harald and hine on fen sceotan – «Он приказал вытащить мертвого Харольда и бросить его в болото» (Ibid.).
- ⁴⁸ *The Chronicle of John of Worcester*. P. 530–533.
- ⁴⁹ *Two of the Saxon Chronicle Parallel*. Vol. 1. P. 166.
- ⁵⁰ *The Chronicle of John of Worcester*. Vol. 2. P. 532–533.
- ⁵¹ *Two of the Saxon Chronicle Parallel*. Vol. 1. P. 166.
- ⁵² Ibid.
- ⁵³ *Encomium Emmae Reginae*. P. 53.
- ⁵⁴ *The Gesta Guillelmi of William of Poitiers*. P. 6–7.
- ⁵⁵ Ibid. P. 18–21. Последнее заявление Вильгельма Пуатье вызывает наибольшие сомнения хотя бы потому, что Вильгельму в 1041 г., когда Эдуард возвратился в Англию, не могло быть более 12–13 лет, и даже в Нормандии его юность и статус незаконного сына были препятствиями к упрочению власти.

- ⁵⁶ And ear þan þe he bebyrged wære, eall folc geceas Eadward to cyngne on Lundene. – «И еще до того, как он (*Хардакнут*) был похоронен, все люди избрали Эдуарда королем в Лондоне» (Two of the Saxon Chronicle Parallel. Vol. 1. P. 169).
- ⁵⁷ Sub anno 1043. Two of the Saxon Chronicle Parallel. Vol. 1. P. 168.
- ⁵⁸ Sub anno 1044. Two of the Saxon Chronicle Parallel. Vol. 1. P. 168.
- ⁵⁹ *Oleson T.J.* The Witenagemot in the Reign of Edward the Confessor. Oxford, 1955. P. 126.
- ⁶⁰ В Петерборской рукописи ссылка Эдит описывается в той же записи за 1051 г., что и изгнание ее отца Годвине, без объяснения причин (Sub anno 1051. Two of the Saxon Chronicle Parallel. Vol. 1. P. 180).
- ⁶¹ *Annales monastici* / Ed. by H.R. Luard: In 5 vols. L., 1864–1869. L., 1865. Vol. 2. *Annales monasterii de Wintonia* (A.D. 519–1277); *Annales Monasterii de Waverleia* (1-1291). P. 17–18.
- ⁶² «И он (*Роберт*) убедил его, как только мог, что Годвине собирался в то время уничтожить самого Эдуарда, своего зятя» (The Life of King Edward... P. 34).
- ⁶³ Отсутствию упоминаний о гибели Альфреда в Паркерской и Петерборской рукописях можно найти объяснение: в первой нет записей за 1032–1039 гг. или они не сохранились; создатель последней принадлежал к числу сторонников Годвине, поэтому не мог включить в свои анналы ничего порочающего этого правителя, а убийство Альфреда свидетельствовало против него, как ничто другое.
- ⁶⁴ Two of the Saxon Chronicle Parallel. Vol. 1. P. 164.
- ⁶⁵ Из Булони, ср. *Encomium Emmae Reginae*. P. 42–43.
- ⁶⁶ «Тогда Альфред, безвинный этелинг, сын короля Этельреда, прибыл сюда и хотел навестить свою мать, которая жила в Уинчестере, но ему не позволили этого те, кто имели большую власть в этой стране, так как голоса явно склонялись в пользу Харольда, хотя это и было несправедливо».
- ⁶⁷ *O'Brien O'Keefe K.* Deaths and Transformations: Thinking through the 'End' of Old English Verse // *New Directions in Oral Theory. Medieval and Renaissance Texts and Studies*. Vol. 287 / Ed. by M. Amodio. Tempe, AZ: Arizona Center for Medieval and Renaissance Studies, 2005. P. 159–160.
- ⁶⁸ Как было замечено несколькими исследователями, после 1044 г. анналы добавляются к Абингдонской рукописи ежегодно (*O'Briene O'Keefe K.* Visible Song: Transitional Literacy in Old English Verse. Cambridge, 1990. P. 109; *Conner P.W.* On Dating Cynewulf // *Cynewulf: Basic Readings* / Ed. by R.E. Bjork. N. Y.; L., 1996. P. 34).
- ⁶⁹ *Plummer Ch.* (ed.). Two of the Saxon Chronicle Parallel: In 2 vols. Oxford, 1899. Vol. 2. P. 212.
- ⁷⁰ Sub anno 1051. Two of the Saxon Chronicle Parallel. Vol. 1. P. 180.
- ⁷¹ *Townsend J.* The Metre of the Chronicle-verse // *Studia Neophilologica*. 1996. Vol. 68. Issue 2. P. 143–176.
- ⁷² *Clark C.* The Narrative Mode of the Anglo-Saxon Chronicle before the Conquest // *England before the Conquest: Studies in Primary Sources presented to Dorothy Whitelock* / Ed. by P. Clemoes, K. Hughes. Cambridge, 1971. P. 230.

- ⁷³ *Oakden J.P.* Alliterative Poetry in Middle English: The Dialectal and Metrical Survey. Manchester, 1930. P. 135.
- ⁷⁴ *Pearsall D.A.* Old English and Middle English Poetry. The Routledge History of English Poetry. L., 1977. P. 71.
- ⁷⁵ *Friedlander C.V.D.* Early Middle English Accentual Verse // *Modern Philology*. 1979. Vol. 76. P. 222.
- ⁷⁶ *Матюшина И.Г.* Скальдический рунхент и англосаксонский стих // *Материалы Всесоюзной конференции по изучению экономики, истории, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии*. Архангельск, 1989. С. 424–425.
- ⁷⁷ Рифма в поэме употребляется настолько часто, что Фердинанду Хольтхаузену благодаря лишь нескольким конъектурам удалось добиться сплошь рифмованного текста (*Holthausen F.* Zu dem Gedichte von Ælfreds Tode (1036) // *Beiblatt zur Anglia*. 1937. Bd. 50. S. 157–158).
- ⁷⁸ О стилистическом сходстве отдельных записей Англосаксонской хроники с сочинениями Вульфстана и Эльфрика упоминалось исследователями начиная с ее первого издателя Чарльза Пламмера (*Plummer Ch.* (ed.). *Op. cit.* Vol. 2. P. 141, 191), однако, насколько известно, влияние Вульфстана и Эльфрика на поэму о смерти Альфреда изучено не было.
- ⁷⁹ *Ælfric's Catholic Homilies* / Ed. by P. Clemoes. First Series: Text. Oxford, 1998. Homily 36. P. 488.
- ⁸⁰ *Ælfric's Lives of Saints* / Ed. by W. Skeat. L., 1966. Vol. 2. P. 166.
- ⁸¹ *McIntosh A.* Wulfstan's Prose. Sir Israel Gollancz Memoria Lecture, 1948; *Proceedings of the British Academy*. 1949. Vol. 35. P. 109–142; *Fowler R.* Old English Prose and Verse. L., 1966. P. 37; *Blake P.* Rhythmical Alliteration // *Modern Philology*. 1968. Vol. 67. P. 118–124.
- ⁸² *Wulfstan's Address to the English* // *An Anglo-Saxon Reader in Prose and Verse with Grammar, Metre, Notes and Glossary* by Henry Sweet. Oxford, 1904. P. 91.
- ⁸³ Звуковая организация прозы Вульфстана, скорее всего, связана с латинской риторикой. Однако если принять во внимание и его билингвизм (и его статус советника не только Этельреда, но и Кнута Могучего), и его возможное знакомство с поэзией скальдов, то можно предположить, что на звуковую организацию его прозы могла оказать влияние и скандинавская словесность.
- ⁸⁴ В рукописи С текст фрагмента о пленении епископа Эльфхеахе (Св. Эльпхеге) разбит на строки с помощью точек: Wæs ða ræpling. seþe ær wæs heafod Angelkynnes and Cristendomes. Ðær man mihte ða geseon yrmde þær man oft ær geseah blisse. on þære ærman byrig. Panon us com ærest Cristendom and blis for Gode. And for worulde. – «Тогда стал пленником тот, кто ранее был главой английского народа и Христианства. Там можно было узреть несчастье, где раньше можно было часто видеть благодать, в этом несчастном городе (*Кентербери*), из которого впервые пришло к нам Христианство и благодать от Господа для всего мира». Тот же фрагмент приводится и в Петерборской рукописи (E).

- ⁸⁵ *Bredehoft T.A.* Textual Histories: Readings in the Anglo-Saxon Chronicle. Toronto, 2001. P. 110–111.
- ⁸⁶ *O'Briene O'Keefe.* Visible Song. P. 106.
- ⁸⁷ Cnut's Erlasse und Gesetzbuch, 30.4 // Die Gesetze der Angelsachsen / Hrsg. von F. Liebermann. Halle, 1903. Bd. I. S. 332.
- ⁸⁸ Cnut's Erlasse und Gesetzbuch, 30.5. S. 332, 334.
- ⁸⁹ *Whitelock D.* Wulfstan and the Laws of Cnut // English Historical Review. 1948. Vol. 63. P. 433–452.
- ⁹⁰ *O'Brien O'Keefe K.* Body and Law in Late Anglo-Saxon England // Anglo-Saxon England. 1998. December. Vol. 27. P. 228.
- ⁹¹ *oððon hine hættian.* – «или с него может быть снят скальп» (Cnut's Erlasse und Gesetzbuch, 30.5. S. 334).
- ⁹² *Hi axodon hwæder he etan wolde ær ðan þe he behamelod wurde.* – «они спросили его, будет ли он есть, прежде чем будет изувечен»; *Pa swelleras hine be-hættedon* – «тогда убийцы сняли с него скальп» (*Ælfric's Lives of Saints: In 2 vols.* / Ed. by W.W. Skeat. L., 1900. Vol. 2. 74. 116; 74. 126).
- ⁹³ О сходстве поэмы об Альфреде с прозой Эльфрика упоминается в: *O'Brien O'Keefe K.* Deaths and Transformations. P. 161–163.
- ⁹⁴ *Ælfric's Lives of Saints.* Vol. 2. P. 166.
- ⁹⁵ *Ælfric's Catholic Homilies.* P. 488–489.
- ⁹⁶ Two of the Saxon Chronicle Parallel. Vol. 1. P. 159.
- ⁹⁷ *Kries S.* Danish Rivalry and the Mutilation of Alfred in the Eleventh-Century Chronicle Poem 'The Death of Alfred' // Journal of English and Germanic Philology. 2005. January. Vol. 104. № 1. P. 49–50.
- ⁹⁸ *Encomium Emmae Reginae.* P. 38–46.
- ⁹⁹ Запись за 978 г. о гибели Эдуарда Мученика, приходившегося дядей Альфреду Этелингу, упоминалась в связи с поэмой об Альфреде лишь потому, что в обеих повторяется одна и та же формула (см.: *Trilling R.R.* The Aesthetics of Nostalgia. Historical Representation in Old English Verse. Toronto, 2009. P. 238), однако, насколько известно, вопрос о соотношении двух текстов ранее не ставился.
- ¹⁰⁰ В Петербургской и Вустерской рукописях в записях за 978 г. употребляется нейтральный глагол *ofslegen* – «убивать».
- ¹⁰¹ *William of Malmesbury: Gesta Regum Anglorum.* P. 184.
- ¹⁰² Вслед за Вильгельмом Жюмьезским историки XI–XII вв. Иоанн Вустерский, Уильям Малмсберийский, Генрих Хантингдонский тоже видели в событиях 1036 г. важнейший повод к нормандскому завоеванию, считая Альфреда старшим из этелингов и, следовательно, наследником престола (*John of Worcester, II, 522–524, William of Malmesbury 336–339, Henry of Huntingdon 370–373*).
- ¹⁰³ *The Gesta Guillelmi of William of Poitiers.* P. 18–20, 100.
- ¹⁰⁴ *Ibid.* P. 30–32, 176. Предполагается, что Эдуард сам потребовал заложников, которыми, вероятно, были Вульфнот, сын Годвине, и Хакон, сын Свейна и внук Годвине, во время военного противостояния с кланом Годвине в 1051 г., а затем

отправил их в Нормандию, так как не хотел возвращать их вновь пришедшему к власти эрлу Годвине (*Barlow F.* Edward the Confessor. L., 1970. P. 301–306).

¹⁰⁵ Ibid. P. 2–6.

¹⁰⁶ *Baxter S.* Edward the Confessor and the Succession Question // Edward the Confessor: the Man and the Legend / Ed. by R. Mortimer. Woodbridge, 2009. P. 79; *Douglas D.C.* Edward the Confessor, Duke William of Normandy, and the English Succession // English Historical Review. 1953. Vol. 68. P. 526–545; *Oleson T.J.* Edward the Confessor's Promise of the Throne to Duke William // English Historical Review. 1957. Vol. 72. P. 221–228.

¹⁰⁷ The Gesta Guillelmi of William of Poitiers. P. 68–70, 120.

¹⁰⁸ Ibid. P. 100, 130, 140.

¹⁰⁹ Referentur enim in hoc conflictu pugne multa Anglorum milia corruisse Christo illis uicem reddente ob Aluredi, fratris Hetwardi Regis (*William of Jumièges.* Op. cit. Vol. 2. P. 170).